

18+

БОЛЬШАЯ ПЛАНЕТА

ПЛАВУЧИЕ
ТЕАТРЫ

ДЖЕК ВЭНС

Джек Вэнс

**Большая Планета.
Плавучие театры**

«Издательские решения»

Вэнс Д.

Большая Планета. Плавающие театры / Д. Вэнс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980150-0

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.**

Большая Планета — далекий, бедный металлами мир, площадью превосходящий Землю в двадцать раз, населенный потомками изгоев и диссидентов, образовавшими племена и общества с удивительными обычаями. На Большой Планете красота и зло сосуществуют в постоянном напряжении. Сборник включает вторую книгу цикла: «Великолепные плавающие театры в нижнем течении Висселя на юге фестона XXIII Большой Планеты»

ISBN 978-5-44-980150-0

© Вэнс Д.

© Издательские решения

Содержание

БОЛЬШАЯ ПЛАНЕТА	6
I	6
II	10
III	15
IV	20
V	24
VI	28
VII	32
VIII	37
IX	43
X	48
XI	55
XII	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Большая Планета. Плавающие театры

Джек Вэнс

Переводчик Александр Фет

Дизайнер обложки Yvonne Less

© Джек Вэнс, 2020

© Александр Фет, перевод, 2020

© Yvonne Less, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-0150-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БОЛЬШАЯ ПЛАНЕТА

I

Невысокий, но подтянутый, Артур Хиддерс – по меньшей мере, так он себя называл – носил одежду земного покроя и от типичного землянина отличался разве что длиной волос и закрученными усами. Деликатные черты его лица казались непропорционально мелкими по сравнению с большой круглой головой.

Отвернувшись от иллюминатора, он устремил на Эли Пьянцу по-детски простодушный взгляд: «Все это очень любопытно – но совершенно бесполезно, не правда ли?»

«Бесполезно? – с подчеркнутым достоинством переспросил Пьянца. – Боюсь, я вас не понял».

Хиддерс отозвался беззаботным жестом: «На протяжении последних пятисот лет каждое новое поколение чиновников Земного Централы отправляло на Большую Планету очередную комиссию. Иногда такая делегация возвращалась в целости и сохранности, но чаще всего пропадала без вести. И в том, и в другом случае дорогостоящая эпопея заканчивалась безрезультатно. Снова и снова провоцируется вспыльчивый – мягко говоря – темперамент обитателей Большой Планеты, снова и снова гибнут исследователи, но все остается по-прежнему».

«Вполне обоснованная точка зрения, – серьезно кивнул Пьянца. – Но на этот раз, возможно, желаемые результаты будут достигнуты».

Подняв брови, Хиддерс развел руками: «Почему бы это было так? Разве Большая Планета изменилась? Разве изменились цели или методы Земного Централы?»

Пьянца беспокойно огляделся по сторонам – в салоне больше никого не было, кроме сестры сострадания, сидевшей неподвижно, как статуя; судя по выражению ее исхудалого бледного лица, полузакрытого капюшоном, монахиня была полностью погружена в благочестивые размышления.

«Условия изменились, – признался наконец Пьянца. – Причем изменения существенны. Прежние делегации отправляли на Большую Планету, чтобы – скажем так – успокоить совесть землян. Мы знали, что на Большой Планете кишмя кишат убийства, пытки, террор. Мы знали, что с этим нужно было что-то делать». Пьянца печально улыбнулся: «А теперь на Большой Планете появилось нечто новое – так называемый Баджарнум Божолейский».

«Да-да, я частенько бывал в его владениях».

«Что ж, на Большой Планете, надо полагать, насчитываются сотни правителей не менее жестоких, заносчивых и непредсказуемых – но Баджарнум, как вам, конечно же, известно, расширяет пределы своей империи и масштабы своей деятельности, причем не только на Большой Планете».

«А! – догадался Хиддерс. – Значит, вы прибыли, чтобы расследовать делишки Чарли Лисиддера».

«Можно сказать и так. И на этот раз мы уполномочены вмешаться».

В салон зашел мускулистый темнокожий человек среднего роста, двигавшийся быстро и решительно – Клод Глистра, исполнительный председатель комиссии. Обведя салон ледяным взглядом голубых глаз, он присоединился к Хиддерсу и Пьянцу у иллюминатора и указал пальцем вверх, на пылающее желтое солнце: «Федра близко. Через несколько часов мы приземлимся на Большой Планете».

Прозвенел гонг. «Обед!» – облегченно вздохнул Пьянца. Глистра первый направился к выходу, но задержался у двери, чтобы пропустить вперед сестру сострадания, проскользнувшую мимо в развевающейся черной рясе.

«Странное существо!» – пробормотал Пьянца.

Глистра рассмеялся: «На Большой Планете живут только странные люди – почему бы еще они там поселились? Если она желает обращать их в свою веру – или даже просто предаваться собственным причудам – ей никто не может это запретить. Кроме того, за исключением манеры одеваться, ее странности сделали бы честь любой планете».

Хиддерс охотно кивнул. Сестры сострадания, подобно древним сестрам милосердия, заслужили высокую репутацию в цивилизованных мирах: «На Большой Планете процветает идеальная демократия – не так ли, господин Глистра?»

Пьянца с любопытством ожидал ответа председателя комиссии – Глистра не стеснялся выражать свои мнения. И Глистра не преминул оправдать его ожидания: «Идеальная анархия, господин Хиддерс».

Молча спустившись по винтовой лестнице в обеденный зал, они заняли свои места. Один за другим стали собираться и другие делегаты комиссии. Первым прибыл Роджер Фэйн – тяжеловесный, громогласный, полнокровный; за ним последовал Мосс Кетч – смуглый, замкнутый и язвительный. Почти одновременно с ним явился Стив Бишоп, самый молодой делегат, с физиономией доверчивой, как у овцы, и шевелюрой лоснящейся, как у тюленя – голова Бишопа была набита эрудицией, он проявлял склонность к ипохондрии. Его стремление к постоянному приумножению знаний удовлетворялось переносной библиотекой микрофильмов, а его мнительность – жилетом с многочисленными карманами, набитыми медикаментами. Последним пришел Брюс Даррб – рыжеволосый эколог с военной выправкой, вечно поджимавший губы так, словно он едва сдерживал вспышку гнева.

За обедом никто не спорил, но над столом нависла напряженная атмосфера – и напряжение это продолжало обостряться всю вторую половину дня по мере того, как массивная сфера Большой Планеты постепенно заслоняла поле зрения.

Звездолет внезапно вздрогнул и явно изменил направление движения. Глистра, стоявший у иллюминатора, резко обернулся. Лампы несколько раз мигнули и погасли, после чего снова зажглись – но тусклым «аварийным» светом. Глистра бегом поднялся по винтовой лестнице, ведущей в рубку управления. На верхней площадке стоял приземистый человек в корабельной униформе – связист и старший стюард Аббигенс.

«В чем дело? – резко спросил Глистра. – Что происходит?»

«Не могу знать, господин Глистра. Я пытался зайти в рубку, но дверь закрыта изнутри».

«Похоже на то, что звездолетом никто не управляет – мы разобьемся!»

«На этот счет можете не беспокоиться, господин Глистра. Корабль оснащен системой аварийной посадки – сработает автоматика. Немного тряхнет, может быть. Но если все будут сидеть в салоне, ничего страшного».

Стюард осторожно взял Глистру под руку. Председатель комиссии раздраженно высвободился и повернулся ко входу в рубку управления – к двери-заслонке, плотной и крепкой, как продолжение стены.

Глистра поспешно спустился по лестнице, взбешенный тем, что не позаботился принять меры предосторожности на случай саботажа. Приземлиться на Большой Планете где-либо за пределами Земного Анклава? Бедствие, катастрофа, трагедия! Глистра остановился в дверном проеме салона: оживленный шум голосов прервался, к нему повернулись побледневшие лица. Фэйн, Дарро, Пьянца, Бишоп, Кетч, Хиддерс и сестра сострадания – все были здесь. Глистра подбежал к двери двигательного отсека – она подалась под нажимом его плеча, но главный инженер Эйза Элтон, обычно достаточно уступчивый и вежливый, тут же вытолкнул его наружу.

«Нужно садиться в спасательные шлюпки!» – рывкнул Глистра.

«Их нет».

«Нет шлюпок? Как это может быть?»

«Кто-то произвел беспилотный аварийный запуск. Мы застряли на корабле – ничего не поделаешь».

«Но капитан, первый помощник...»

«Не отвечают на вызовы».

«Что произошло?»

Ответ Элтона потонул в оглушительном вое сирены, заполнившем мигающее сполохами ламп, словно обезумевшее внутреннее пространство корабля.

В салоне появился Аббигенс. Торжествующе посмотрев по сторонам, он кому-то кивнул. Кому? Глистра тут же обернулся, но опоздал – на него смотрели одинаково встревоженные лица с полуоткрытыми ртами. В то же мгновение – эта картина навсегда запечатлелась в памяти Клода Глистры – дверь распахнулась. В салон, шатаясь, ввалился помощник капитана, сжимая одной рукой рану на горле. Дрожащим, окровавленным пальцем другой руки он указал на Аббигенса. Кровь хлынула из легких раненого, его колени подогнулись, он упал на палубу.

Глистра не сводил глаз с приземистого блондина-стюарда.

За иллюминаторами взметнулись тени. Послышался оглушительный скрежет, и пол салона нанес страшный удар прямо вверх.

Клод Глистра мало-помалу приходил в сознание, чувствуя себя чем-то вроде мокрого бревна в болоте. Он открыл глаза и попытался разобраться в происходящем.

Он лежал на койке в глубине дощатой хижины. Тревожно приподнявшись на локтях, Глистра взглянул в сторону открытой входной двери – и решил, что никогда еще не видел столь чудесного пейзажа.

Снаружи поднимался к лесу поросший зеленой травой склон, усеянный желтыми и красными цветами. Сквозь листву можно было различить коньки крыш деревенских строений – причудливые, из резного темно-коричневого дерева. Ландшафт пронизывало чуть дрожащее золотисто-белое сияние, каждый оттенок выделялся с яркостью драгоценного камня.

На этом райском фоне весело приплясывали три девушки в крестьянских платьях. До ушей Глистры доносились звуки музыки – ритмичный аккомпанемент концертины, звонкие переливы мандолин и гитары.

Опустив голову на подушку, Глистра закрыл глаза, но глухие звуки шагов снова разбудили его. Глядя из-под полуопущенных век, он увидел, как в хижину зашли Пьянца и Роджер Фэйн – Пьянца был аккуратно одет, вел себя сдержанно и старался не шуметь; Фэйн раскраснелся и шумно отдувался. Вслед за ними зашла румяная девушка с косичками соломенного цвета – она несла поднос.

Глистра снова приподнялся на локтях – Пьянца поспешил успокоить его: «Лежи спокойно, Клод. Ты болен».

Глистра спросил: «Кто-нибудь погиб?»

«Младшие стюарды, они прятались где-то внизу. Сестре сострадания тоже не повезло. Судя по всему, она спустилась к себе перед самым крушением. Теперь ее каюта в семи метрах под землей. Ну и, само собой, капитану и первому помощнику перерезали глотки».

Глистра закрыл глаза: «Сколько я тут пролежал?»

«Почти четыре дня».

«И как обстоят дела?»

«Корабль развалился на три части, – Фэйн придвинул стул к койке и уселся. – Поразиительно, что мы сумели выбраться».

Девушка поставила поднос на край койки, опустилась на колени и приготовилась кормить Глистру. Тот мрачно покосился на нее: «Даже так! Кормят, как младенца?»

«Кто-то должен был о тебе позаботиться, – отозвался Пьянца и погладил девушку по голове. – Ее зовут Натилиен-Тильсса – короче говоря, Нэнси. Она отличная сиделка».

Фэйн лукаво подмигнул: «Счастливчик!»

Глистра отвернулся от ложки: «Теперь я сам могу есть». Взглянув Пьянца в глаза, он спросил: «Где мы?»

Эли Пьянца слегка нахмурился: «В деревне Джубилит – где-то поблизости от северо-восточной окраины Божоле».

Глистра поджал губы: «Хуже не могло быть. Странно, что нас еще не схватили».

Пьянца повернулся к открытой входной двери: «Это изолированный поселок, вдали от торных троп. Никаких средств связи здесь, конечно, нет... Но мы нервничаем, должен признаться».

В памяти Глистры возникла трагическая сцена в салоне: «Где Аббигенс?»

«Аббигенс? Куда-то пропал».

«Почему его не прикончили?»

Пьянца ничего не ответил – только покачал головой. Фэйн вздохнул: «Он успел сбежать».

«С ним сговорился кто-то еще», – голос Глистры начинал слабеть.

Эли Пьянца наклонился к изголовью койки, его серые глаза сверкнули: «Кто-то еще? Кто?»

«Не знаю. Аббигенс зарезал капитана и помощника. Кто-то другой повредил двигатели и запустил спасательные шлюпки в космос, – Глистра беспокойно пошевелился, и девушка положила ему на лоб прохладную ладонь. – Я лежал без сознания четыре дня? Трудно поверить!»

«Тебе давали снотворное, – пояснил Пьянца, – чтобы ты не метался в горячке. Поначалу ты был... как бы это выразиться? Не в себе».

II

Вопреки попыткам Нэнси его удержать, Глистра приподнялся и ощупал рану на затылке. Он попробовал встать. Фэйн вскочил: «Ради всего святого – полегче, Клод, полегче!»

Глистра покачал головой: «Пора убираться отсюда. И поскорее. Подумай сам! Где Аббигенс? Давно сбежал и уже успел отчитаться перед Лисиддером». Глистра подошел к двери, остановившись в золотисто-белом зареве солнечного света и обозревая панораму Большой Планеты. Пьянца принес ему стул, и Глистра опустил на него.

Избушка, лес и прятавшийся в лесу поселок находились на пологом склоне, масштабы которого не укладывались в рамки земных представлений. Сверху Глистра не мог различить никаких признаков завершения подъема или хребта; внизу склон растворялся в бледно-голубом просторе.

Потягиваясь, грузный Фэйн тоже вышел погреться на солнышке: «Вот, значит, где я очутился под старость! Не следовало отдавать Большую Планету извращенцам и психам».

Нэнси, вышедшая вслед за Глистрой, напряженно выпрямилась и скользнула обратно в хижину.

Роджер Фэйн усмехнулся: «Она вообразила, что я ее обозвал извращенкой».

«Ты не успеешь состариться, Роджер, – заметил Глистра, – если мы не смоемся отсюда подобру-поздорову. Где корабль?»

«Чуть выше, в лесу».

«Божолé далеко?»

Фэйн повернулся, глядя по диагонали вверх, на северо-запад: «Четкого представления о границах Божоле нет. Гораздо выше, за хребтом – глубокая впадина, очевидно вулканического происхождения. Говорят, там великое множество горячих источников, фумарол и гейзеров – местные жители называют ее Долиной Стеклодувов. В прошлом году там появились вооруженные отряды Баджарнума, и теперь эта долина – часть Божоле. Пока что Чарли не посылал в Джубилит никаких представителей или сборщиков налогов, но их ожидают со дня на день – кроме того, здесь непременно разместят гарнизон».

«Гарнизон? Зачем? Чтобы поддерживать порядок?»

Фэйн махнул рукой в направлении невидимого хребта: «Чтобы оборонять поселок от кочевников-работорговцев – здесь их величают „цыганами“».

Глистра взглянул на крыши поселка: «Не похоже, чтобы местным жителям кто-нибудь досаждал... Как далеко отсюда до Гросгарта?»

«Насколько я понимаю, больше трехсот километров на юг. Если спускаться по склону на юго-восток, километрах в восьмидесяти есть селение с гарнизоном – Монмарши».

«Восемьдесят километров... – Глистра задумался. – Надо полагать, Аббигенс направился туда...» Из леса послышался громкий металлический скрежет. Глистра вопросительно взглянул на Пьянцу.

«Режут корабль, – объяснил тот. – Они никогда в жизни не видели столько металла. Мы сделали всех местных жителей миллионерами».

«До тех пор, пока Баджарнум не конфискует их сокровища», – прибавил Фэйн.

«Пора убираться, – беспокожно сгорбившись на стуле, пробормотал Глистра. – Каким-то образом нужно добраться до Анклава».

«Он на другой стороне планеты, – поджал губы Пьянца. – До него шестьдесят четыре тысячи километров».

Глистра с трудом поднялся на ноги и повторил: «Пора убираться. Здесь мы беззащитны. Если нас схватят, Лисиддер не преминет продемонстрировать земным чиновникам, какая судьба ожидает здесь их делегатов. Кстати, где остальные пассажиры?»

Пьянца указал кивком на поселок: «Нам выделили большой дом. Хиддерс ушел». «Ушел? Куда?»

«В Гросгарт. Сказал, что переплывет на барже Марванский залив и пристанет к одному из береговых караванов, идущих в Рубец».

«Гмм. Стюарды погибли, капитана и первого помощника зарезали, сестра сострадания погибла, Хиддерс ушел, Аббигенс сбежал... – Глистра подсчитал на пальцах. – Осталось восемь человек: все делегаты комиссии и два инженера из двигательного отсека. Будет лучше всего, если все они соберутся здесь – устроим что-то вроде военного совета».

Глистра провожал тревожным взглядом Пьянцу и Фэйна, поднимавшихся к поселку, после чего снова обратил внимание на простиравшийся вниз бесконечный склон. Днем приближающихся солдат из Божоле можно было заметить издалека. Глистра поблагодарил судьбу за то, что в коре Большой Планеты практически не было металлических руд. Отсутствие металла означало отсутствие механизмов, а отсутствие механизмов приводило к отсутствию электроэнергии. Следовательно связь на большом расстоянии была невозможна.

Нэнси вышла из хижины. Она переделалась: вместо голубой юбки с буфами теперь на ней был облегающий костюм из красных и оранжевых лоскутьев, напоминавший наряд арлекина. На голову она натянула круглую шапочку.

Глядя на нее, Клод Глистра поначалу не мог найти слов. Нэнси сделала пируэт на носке одной ноги, согнув другую в колене. «У вас все девушки такие красавицы?» – поинтересовался Глистра.

Нэнси улыбнулась и подняла лицо к солнцу: «Я не из Джубилита... я пришлая».

«Даже так? Откуда?»

Девушка указала на север: «Из лесов Вьейвб. У моего отца был пророческий дар – люди приходили издалека, со всех концов, чтобы узнавать у него будущее. Отец разбогател, – продолжала Нэнси. – Он учил меня своему ремеслу. Мы много странствовали – ходили в Гросгарт и в Каллиопу, ездили в Рубец, плавали по каналам Стемвельта. Я выступала с трубадурами – мы давали чудесные представления в городах и замках, видели чудесные места!» Нэнси вздрогнула и поежилась: «Но сколько на свете зла! Мы видели много зла в Глэйтри...» Глаза девушки наполнились слезами, она сказала упавшим голосом: «Когда я вернулась домой, там ничего не осталось, кроме обгоревших развалин. Цыгане прискакали из степей Северного Верещатника и сожгли дом моего отца – сожгли заживо всю мою семью. Поэтому я стала бродить, куда глаза глядят, и пришла сюда, в Джубилит, чтобы научиться танцевать – когда я танцую, я обо всем забываю...»

Глистра внимательно изучал девушку. У нее было необычно выразительное лицо – рот то ли смеялся, то ли кривился, глаза искрились. Когда Нэнси радовалась, ее голос мелодично повышался, а когда она вспоминала скорбные события, ее грустные глаза широко раскрывались.

«А кто тебе поручил за мной ухаживать?»

Нэнси рассмеялась: «Я пришлая. Я училась у знахарей в Гросгарте, а они учились по земным книгам. *Найсуга*».

Глистра в замешательстве повторил последнее слово: «Найсуга? Что это такое?»

«Так говорят в Божоле. Найсуга – то, что заставляет человека что-нибудь делать просто потому, что он так решил, без особой причины».

Глистра указал вниз: «А там какая страна?»

Девушка повернулась, изящно опираясь локтем на дощатую стену избушки и положив ладонь на затылок: «Земли Джубилита кончаются там, где начинается Цаломбарская Чаша, – Нэнси протянула руку к смутной темной полоске дальнего леса. – В чашах живут древолазы, над *тричсодом*».

«Еще одно непонятное выражение», – подумал Глистра.

Из поселка стали спускаться земляне. Глистра наблюдал за их приближением. Никто из его спутников не выглядел виновато – не больше, чем туземная девушка. Но кто-то же помогал Аббигенсу, кто-то повредил двигатели! Впрочем, это мог быть Артур Хиддерс, а его след простыл.

«Садитесь!» – предложил Глистра. Земляне расселись на траве. Поколебавшись, Глистра обратился к собравшимся: «Мы в трудном положении – думаю, что нет необходимости объяснять, почему».

Никто ничего не сказал.

«После крушения невозможно ожидать помощи с Земли. В том, что касается технологии, мы так же беспомощны, как жители поселка. Пожалуй, еще беспомощнее. Местные жители умеют пользоваться своими инструментами и материалами, а мы – нет. Если бы у нас было неограниченное количество времени, мы могли бы, может быть, соорудить нечто вроде радиопередатчика и связаться с Анклавом. Но времени нет. Каждую минуту нас могут схватить и увести в Гросгарт... У нас только один шанс – уйти как можно дальше от границ Божоле».

Глистра прервался, переводя взгляд с лица на лицо. Пьянца сидел спокойно, не выражая никаких эмоций. Фэйн хмурился – его широкий лоб покрылся морщинами; Кетч раздраженно ковырялся в траве остроконечным камешком. Бишоп тоже беспокоился – его тонкие брови приподнялись наподобие пары перевернутых галочек. Дарро пригладил редкие рыжие волосы и что-то пробормотал на ухо Кетчу – тот кивнул. Главный инженер Элтон молча сидел так, словно происходящее его не касалось.

Второй инженер, Валюссер, набычился – по-видимому, он почему-то считал Глистру виновником катастрофы. Валюссер спросил срывающимся от напряжения голосом: «Допустим, мы отсюда сбежим – что дальше? Куда мы пойдем? Там ничего нет... – инженер махнул рукой в сторону нижнего леса. – Там только дикари. Нас убьют. Или уведут в рабство, что ничем не лучше».

Глистра пожал плечами: «Вы можете делать все, что хотите – спасайтесь так, как считаете нужным. Лично я вижу только один выход. Предстоит тяжелый, долгий и опасный путь. Вероятно, я предлагаю невозможное. Почти наверняка не все мы выживем. Но мы хотим выжить, мы хотим вернуться домой. А это означает только одно, – Глистра многозначительно повысил голос. – На Большой Планете есть только одно место, откуда можно вернуться на Землю – Анклав. Мы должны добраться до Анклава».

«Все это хорошо и замечательно, – отозвался Роджер Фэйн. – Я всеми руками за. Но как это сделать?»

Глистра усмехнулся: «Единственным доступным способом: на своих двоих».

«Пешком?» – в голосе Фэйна прозвучало опасливое огорчение.

«Ничего себе прогулочка!» – почесал в затылке Дарро.

Глистра пожал плечами: «Зачем себя обманывать? У нас есть только одна возможность вернуться на Землю – из Анклава».

«Но... *шестьдесят четыре тысячи километров!* – жалобно воскликнул Фэйн. – Я тяжелый, мне трудно много ходить».

«Мы найдем каких-нибудь вьючных животных, – сказал Глистра. – Купим их, украдем – как-нибудь достанем».

«Шестьдесят четыре тысячи километров!» – мотал головой Фэйн.

Глистра кивнул: «Долгий путь. Но если мы найдем подходящую реку, мы сможем спуститься на плоту. Или, может быть, выберемся на берег Черного океана, взойдем на борт корабля и проплывем под парусами вдоль берега».

«Не получится! – встрепнулся Бишоп. – Австралийский полуостров выдается далеко на юг, а затем поворачивает на восток. Пришлось бы шлепать до самого Хендерланда и обогнуть с юга Черноскальные Кордильеры, чтобы выйти к проливу Пармарбо. А по проливу Пар-

марбо, если верить „Альманаху Большой Планеты“, практически никто никогда не плавает – он знаменит рифами, пиратами, плотоядными морскими анемонами и еженедельными ураганами».

Роджер Фэйн застонал. За спиной Глистры послышался странный звук. Он обернулся – Нэнси зажимала рот ладонью, изо всех сил сдерживая смех. Глистра поднялся на ноги. Пьянца с сомнением взглянул на него: «Как ты себя чувствуешь, Клод?»

«Неважно. Но завтра я буду как новенький – прогулка на свежем воздухе все поправит. В одном отношении, по меньшей мере, нам повезло...»

«В каком?» – спросил Фэйн.

Глистра указал на свои ботинки: «Прекрасная, добротная обувь. Не промокает, не изнашивается. Нам она здорово пригодится».

Фэйн опустил голову: «Надо надеяться, по ходу дела я похудею».

Глистра снова обвел взглядом присутствующих: «У кого-нибудь есть еще какие-нибудь идеи? Валюссер, что скажете?»

«Я пойду вместе со всеми».

«Хорошо. А теперь у меня такой план: нужно собрать багаж. Нужно захватить с собой столько металла, сколько мы можем унести без особого труда. На Большой Планете металл – драгоценность. Думаю, что каждый из нас сможет нести килограммов семь-восемь. Лучше всего было бы взять полезные металлические орудия, ножи – но если нет другого выбора, пригодится любой металлолом... Кроме того, каждому нужен как минимум один комплект сменной одежды. Нужно найти карту Большой Планеты – если она сохранилась. Нужен компас. Советую каждому подыскать нож поострее, покрывало и, что самое важное – личное оружие. Кто-нибудь уже искал его на корабле?»

Элтон засунул руку за пазуху и вынул черный лучемер: «Эта штукавина принадлежала капитану – я ее присвоил».

«У меня таких два», – признался Фэйн.

«В моей каюте остался лучемер, – заметил Пьянца. – Вчера я не смог туда забраться, но сегодня, может быть, протиснусь».

«У меня в каюте тоже было оружие», – вспомнил Глистра.

Семеро мужчин побрели наверх, к деревьям с шелковистой сине-зеленой листвой. Не заходя в хижину, Глистра смотрел им вслед.

Нэнси, сидевшая на траве, поднялась на ноги: «Теперь вам лучше хорошенько выспаться».

Глистра вернулся внутрь и прилег на койку. Нэнси подошла и взглянула на него сверху вниз: «Клод Глистра!»

«Да?»

«Можно, я пойду с вами?»

Глистра с удивлением приподнял голову: «Пойдешь куда?»

«Туда, куда вы идете».

«Вокруг всей планеты?»

«Да».

Он решительно возразил: «Тебя убьют – вместе с нами. Очень маловероятно, что нам удастся добраться до Анклава».

«Мне все равно... Все мы когда-нибудь умрем. А я хотела бы повидать Землю. Я много где побывала и много чему научилась...»

Клод Глистра пытался сосредоточиться. Его уставший мозг никак не мог разобраться в происходящем. Что-то было не так. Он изучал лицо девушки: неужели она в него влюбилась? Нэнси покраснела.

«Ты легко краснеешь», – поделился наблюдением Глистра.

«Я выносливая. Я могу что-нибудь нести и работать не хуже Кетча или Бишопа».

«Из-за хорошеньких девушек часто возникают проблемы».

Она пожала плечами: «На Большой Планете полным-полно женщин».

Глистра снова прилег на койку, продолжая покачивать головой: «Нет, тебе никак нельзя нас сопровождать».

Нэнси наклонилась над койкой: «Я скажу им, что я – проводница. Можно, я хотя бы провожу вас до леса?»

«Ну ладно. Только до леса».

III

Глистра проспал пару часов – его самочувствие улучшалось с каждой минутой отдыха. Когда он проснулся, косые лучи вечернего солнца, проникавшие через открытую дверь, озарили хижину насыщенными темно-оранжевыми отсветами. Выше по склону, в лесном поселке, уже вовсю веселились. Стайки девушек и молодых людей в пестрых лоскутных костюмах, подобных наряду Нэнси, кружились и бегали наперегонки, наполняя воздух легкомысленными переключками и взрывами смеха. До ушей Глистры доносились также визгливые звуки джиг, исполняемых деревенскими скрипками, концертными, гитарами и рапсодионами. Танцующая молодежь носилась туда-сюда капризной приседающей походкой, напоминавшей ускоренный гусиный шаг.

В дверной проем заглянули Пьянца и Дарро. «Ты уже не спишь?» – поинтересовался Пьянца.

Глистра сел, опустив ноги с койки: «Я в полном порядке». Поднявшись на ноги, он осторожно похлопал себя по затылку; боль почти прошла: «Все готово?»

Пьянца кивнул: «Мы можем идти. Твой лучемер нашли – кроме того, в каюте первого помощника нашлось лазерное ружье. Хитро покосившись на Глистру, Пьянца прибавил: «Насколько я понимаю, Нэнси присоединится к нашей экспедиции?»

«Ни в коем случае!» – возразил Глистра. – Я разрешил ей проводить нас до нижнего леса – туда два-три часа ходьбы».

«Она собрала пожитки, – с сомнением отозвался Эли Пьянца. – Очевидно, она твердо решила уйти с нами».

Дарро резко вскинул голову: «Клод, мне это не нравится. Девушке не место в мужском отряде. Это чревато осложнениями и неприятностями».

«Полностью с тобой согласен, – ответил Глистра. – Я ей отказал в самых недвусмысленных выражениях».

«Но она уже собралась», – повторил Пьянца.

«Если Нэнси отстанет метров на сто, но будет идти за нами, не знаю, как ее можно было бы остановить, не прибегая к насилию».

Пьянца моргнул: «Что ж, само собой...» Продолжать он не стал.

Дарро не успокаивался: «Она слонялась по Божоле с менестрелями, частенько бывала в Гросгарте. Что, если она – тайный агент Баджарнума? У него много шпионов. Насколько мне известно, они суют свой нос повсюду – даже в Анклаве, даже на Земле!»

«Все может быть. Может быть, ты сам работаешь на Баджарнума. Кто-то из нас – саботажник».

Дарро хрюкнул и отвернулся.

«Не беспокойся, – сказал Глистра, хлопнув его по плечу. – Когда мы зайдем в лес, ей придется отправиться назад». Он вышел из хижины.

«Бишопу удалось раскопать судовую аптечку. Кроме того, он собрал свои таблетки – пищевые концентраты и витамины. Они могут пригодиться, по пути нам вряд ли встретятся рестораны».

«Очень хорошо».

«Фэйн раздобыл свое туристическое оборудование, мы захватим походную кухонную плиту и опреснитель с фильтром».

«А запасных аккумуляторов для лучемеров нет?»

«Нет».

Глистра закусил губу: «Плохо дело... Тело сестры сострадания нашли?»

Пьянца покачал головой.

«Плохо дело!» – повторил Глистра, хотя не испытывал особых сожалений по поводу монахини. Ее трудно было представить себе в качестве обычного человеческого существа. Все, что оставалось от нее в памяти – исхудалое бледное лицо, черная ряса, черный капюшон и напряженные застывшие позы – все это уже исчезло.

Из поселка спускались другие земляне, окруженные танцующей навеселе молодежью, ни о чем не заботившейся, кроме своего непрерывного движения в красочных костюмах. Пришли Кетч, Элтон, Валюссер, Фэйн, Бишоп – и Нэнси. Девушка стояла чуть поодаль, наблюдая за хороводом селян с безмятежно-отсутствующим выражением, как если бы она уже порвала все возможные связи с Джубилитом.

Глистра смотрел на невероятные просторы Большой Планеты, окутанные темно-золотым закатным заревом. У него за спиной молодые люди собрались в группы по пять человек и кружились, высоко поднимая согнутые в коленях ноги и раскачивая головами из стороны в сторону, как тряпичные куклы. Музыканты тоже спускались по склону, резковатые звуки их инструментов все громче подчеркивали бодрый ритм танца. Глядя вниз на растворявшийся в дымке склон, Глистра внезапно ощутил приступ слабости – масштабы предстоявшего пути подавляли его. Джубилит казался безопасным, уютным местом, почти знакомым, как родной дом. А впереди была только бесконечная даль: секторы и зоны, расстояния и пространства. *«Шестьдесят четыре тысячи километров, – думал он. – Полтора экватора Земли».*

Глядя туда, где надлежало быть земному горизонту, он мог поднять глаза и видеть земли, простиравшиеся все дальше и дальше – словно заштрихованные светлыми карандашами смутные полосы долин и лесов, моря, пустыни, горных хребтов... Он сделал шаг вперед и обернулся: «Пошли!»

Веселая музыка еще долго преследовала их; только когда солнце зашло за невидимым гребнем огромного холма у них за спиной и спустились розовато-лиловые сумерки, отголоски звонких инструментов замерли где-то вдали.

Они шли по толстой упругой подстилке сероватых стеблей, окаймленных тускло-зелеными мелкими почками. Спускаться по ровному пологому склону было легко, и наступление ночи ничему не мешало – достаточно было шагать, шагать и шагать, вперед и вниз.

Процессию возглавляли Фэйн и Дарро, за ними следовали Глистра, Нэнси справа от него и Пьянца – слева. Чуть поодаль, левее, шел Кетч, а у него за спиной – опустивший глаза к земле Бишоп. Шагов на двадцать отстали Элтон, шагавший легко и непринужденно, и Валюссер, осторожно выбиравший дорогу – у него болели ступни.

Сумерки сгустились, в небе появились звезды. Теперь во всем мире не было ничего, кроме мрака, звездного неба, твердыни Большой Планеты и ничтожных, затерявшихся в ночи путников.

Нэнси старалась помалкивать, но теперь, в темноте, почти вплотную приблизилась к Глистре. Она спросила тихим низким голосом: «Какая из этих звезд – земное Солнце?»

Глистра поискал глазами в небе, где мерцали странные созвездия, ничем не напоминавшие знакомые очертания.

Он помнил, что по пути с Земли на Большую Планету созвездие Кита оставалось за кормой, пока они не прибыли на Индекс... Оттуда еще можно было видеть Спикку, а рядом с ней – черный провал Котелка. «Думаю, что Солнце где-то там, – указал он пальцем, – чуть выше яркой белой звезды. Но его не заметно на фоне большой туманности».

Девушка смотрела на небо широко открытыми глазами: «Расскажи о Земле».

«Я там родился и вырос», – отозвался Глистра. Несколько секунд он молча смотрел на белую звезду: «И хотел бы туда вернуться...»

«На Земле красиво? Красивее, чем на Большой Планете?»

«Трудно ответить на такой вопрос. По части пейзажей Земля, наверное, в подметки не годится Большой Планете. Самые высокие земные горы – Гималаи – показались бы предгорьями по сравнению со здешним хребтом Склемона или с Черноскальными Кордильерами».

«Где они?» – спросила Нэнси.

«Где кто?» – не понял Глистра.

«Эти горы».

«Склемоны – примерно в пятидесяти тысячах километров отсюда, на северо-западе, в области под наименованием Матадор. Насколько я знаю, там обитает племя лыжников. А Черноскальные Кордильеры – в восьми тысячах километров на юго-восток, над Австралийским полуостровом в Хендерланде».

«Сколько всего нужно узнать... сколько всего нужно увидеть... – голос девушки слегка задрожал. – Земляне лучше знают нашу планету, чем мы сами. Это несправедливо».

Глистра тихо рассмеялся: «Большая Планета – своего рода компромисс, достигнутый в результате противостояния множества несовместимых представлений. Никто не считает, что этот компромисс справедлив».

«Мы живем, как варвары! – яростно заявила Нэнси. – Моего отца...»

«Настоящий варвар не подозревает, что он – варвар», – возразил Глистра.

«Моего отца убили. Всюду убийства, жестокости, смерть...»

Глистра старался говорить бесстрастно: «Но ты ни в чем не виновата. Землян тоже, по сути дела, невозможно обвинить в том, что случилось на Большой Планете. Влияние Земли никогда не распространялось дальше Гребня Девы. Все, кто летели дальше, могли полагаться только на себя – и теперь их потомки за это платят».

Нэнси покачала головой – точнее, чуть наклонила голову набок характерным для нее резким движением, выразившим критическое сомнение.

Глистра пытался собраться с мыслями. Человеческие страдания, человеческое ничтожество вызывали у него не меньшее отвращение, чем у нее. Но он хорошо понимал, что Земля могла поддерживать порядок лишь в ограниченном объеме пространства. Кроме того, пересечение границ этого пространства людьми, не желавшими никому подчиняться, невозможно было полностью предотвратить. Оставалось только признать, что в данном случае миллионам потомков приходилось страдать потому, что их немногочисленные самонадеянные предки руководствовались ошибочными иллюзиями.

Нэнси познала несправедливость во всей ее полноте: убийства, скорбь, гнев. Она собственными глазами наблюдала генетические отклонения и психические извращения, накопившиеся и обострившиеся на протяжении многих поколений и теперь заражавшие, подобно неизлечимым болезням, племена, народы, расы, континенты – всю Большую Планету. Умонастроение девушки определялось в первую очередь непосредственными впечатлениями. Проблема заключалась в том, чтобы продемонстрировать ей относительную значимость различных факторов и придать этим расплывчатым условным рассуждениям убедительность, достаточную для преодоления ее эмоциональных предубеждений.

«На Земле, Нэнси, с начала времен – еще до того, как появились древнейшие записи – люди подразделялась на несколько различных категорий или уровней. Одни жили в полной гармонии с представлениями своей эпохи, другие несли в себе бунтарский дух раскольников, инакомыслия, жажды независимости. Скорее всего, это наследственное стремление настолько же инстинктивно, как голод, страх или привязанность. Не укладываясь в жесткие рамки общественных условностей, бунтари подвергались преследованиям и страдали. На протяжении всей человеческой истории современники их не понимали и не принимали. Отщепенцы становились первопроходцами и первопоселенцами, исследователями, изобретателями, отшельниками, философами, преступниками, прорицателями конца света и родоначальниками новых культур».

Они продолжали идти в темноте. Суховатая травяная подстилка чуть потрескивала под ногами, впереди и сзади слышались приглушенные голоса.

Все еще глядя туда, где должно было быть Солнце древней Земли, Нэнси сказала: «Но все эти люди не имеют никакого отношения к Большой Планете».

«Джубилит, – возразил Глистра, – был основан труппой балетных исполнителей, по видимому считавших, что для совершенствования их танцевальных навыков требовалось полное отсутствие вмешательства извне. Возможно, они намеревались удалиться всего лишь на пару лет, но остались в лесу. Первопоселенцы, прибывшие на Большую Планету почти шестьсот лет тому назад, были примитивистами – людьми, неприязненно относившимися к любым механизмам, за исключением простейших средств, таких, как фургоны. Примитивизм не запрещен на Земле, но к приверженцам такого образа жизни относятся, как к помешанным. Поэтому они купили звездолет и отправились за пределы Ойкумены. Они нашли Большую Планету. Поначалу они решили, что она слишком велика для того, чтобы на ней можно было поселиться...»

«Почему они так решили?»

«Перед высадкой они переоценивали силу тяжести, – объяснил Глистра. – Чем больше планета, тем больше на ней сила притяжения. Но Большая Планета состоит из легких пород, удельный вес которых не больше трети удельного веса земных. Земля – очень плотная планета, богатая металлами и тяжелыми элементами. Поэтому сила тяжести на Большой Планете примерно соответствует земной – несмотря на то, что объем Большой Планеты в тридцать раз больше... Примитивистам Большая Планета оказалась по душе. Для них это был рай – солнечный, красочный, с мягким климатом и – что важнее всего – с комплексом флоры и фауны, по органическому составу сходным с земным. Другими словами, белки Большой Планеты оказались совместимыми с земным метаболизмом. Здешние растения и животные часто съедобны. Поселившись здесь, примитивисты отправили корабль на Землю, чтобы привезти других приверженцев своего культа.

Здесь всегда было достаточно места для меньшинств – пространства Большой Планеты практически безграничны. Поэтому сюда охотно мигрировали всевозможные секты, мизантропические ассоциации и просто отдельные люди. Иногда они строили города, иногда жили отдельными группами на расстоянии тысячи, двух тысяч, восьми тысяч километров от ближайших соседей. На Большой Планете нет полезных залежей руды; технологическая цивилизация не могла здесь развиваться, а на Земле запретили экспорт современного оружия на Большую Планету. Поэтому здесь образовалась беспорядочная мозаика микроскопических государств и городов, разделенных безлюдными территориями».

Нэнси начала было говорить, но Глистра упрямил ее мысли: «Да, мы могли бы заняться организацией Большой Планеты и установить здесь ойкуменические законы. Но – прежде всего – Большая Планета находится за установленными теми же законами границами Ойкумены. Во-вторых, мы тем самым препятствовали бы достижению целей тех людей, которые пожертвовали своими возможностями в цивилизованном мире, чтобы приобрести независимость – причем в таких целях, как таковых, нет ничего преступного. В-третьих, мы отказали бы в убежище другим бунтарям, что заставило бы их отправиться еще дальше на поиски иных миров, почти наверняка менее гостеприимных. Поэтому мы, если можно так выразиться, отложили Большую Планету в долгий ящик. В Земном Анклаве имеются университет и профессиональные училища для тех, кто желает вернуться на Землю. Но желающих мало».

«Конечно, мало! – презрительно воскликнула Нэнси. – Земля – планета сумасшедших».

«Почему ты так думаешь?»

«Это общеизвестно. Когда-то бывший Баджарнум Божолейский отправился в ваш Анклав. Он посещал там какую-то школу и вернулся другим человеком. Он освободил рабов

и отменил все наказания. Когда он упразднил наследственное крепостное право, коллегия герцогов восстала, и его убили – потому что он явно сошел с ума».

Клод Глистра безрадостно улыбнулся: «Он был самым разумным человеком на всей твоей планете».

Нэнси фыркнула.

«Да, очень немногие приходят в Анклав, – продолжал Глистра. – Жители Большой Планеты привыкли к ней, для них она – дом родной. Она свободна – открыта – безгранична! Здесь человек может выбирать любой образ жизни – хотя при этом, конечно, его могут прикончить в любую минуту. На Земле и на других планетах Ойкумены соблюдаются жесткие правила и общепризнанные условности. Теперь у нас нет почти никаких конфликтов и беспорядков – все неспособные приспособиться уехали на Большую Планету».

«Скучно! – поспешила сделать вывод Нэнси. – Скучно и глупо».

«Не совсем так, – парировал Глистра. – В конце концов, на Земле пять миллиардов людей, и у каждого свои собственные воззрения, вкусы и привычки».

Нэнси немного помолчала, после чего произнесла почти издевательским тоном: «Так как же насчет нынешнего Баджарнума? Он намерен завоевать всю Большую Планету. При нем площадь Божоле уже увеличилась в три раза».

Глистра смотрел прямо перед собой, в бесконечную ночь: «Если Баджарнум Божолейский, номарх Скена, барон Пестрогорд, Девять Чародеев или кто-либо иной приобретет власть над всей Большой Планетой, обитатели твоей планеты лишатся своей свободы и своих возможностей еще в большей степени, чем если бы здесь было организовано федеральное ойкуменическое правительство. Потому что в таком случае им пришлось бы приспособливаться к извращениям и причудам, чуждым их собственной извращенной природе, а не только к нескольким рациональным, в сущности, правилам и постановлениям».

Нэнси эти доводы не убедили: «Странно, что в Ойкумене Баджарнуму придают такое значение и беспокоятся по его поводу».

Глистра усмехнулся: «Один факт нашего присутствия на Большой Планете многое говорит о Баджарнуме. Его шпионы рассеялись повсюду – их ловят даже на Земле. Он регулярно нарушает наш строжайший закон, запрещающий вывоз оружия и металлов на Большую Планету».

«Человека так же просто убить мечом из тугодерева, как лучом огня».

Глистра покачал головой: «Посмотри на вещи с другой стороны. Откуда берется запрещенное оружие? В Ойкумене запрещено производство оружия не лицензированными изготовителями. Устроить современное производство так, чтобы о нем никто не знал, очень трудно. Следовательно, Баджарнум получает оружие главным образом благодаря ограблениям и пиратским набегам. Звездолеты пропадают в космосе, хранилища взламывают, людей убивают или загоняют в трюмы для рабов и поставляют в самодержавные миры».

«Самодержавные миры? Где они?»

«Среди только что упомянутых мной пяти миллиардов обитателей Земли попадаются очень странные субъекты, – задумчиво произнес Глистра. – Не все желающие жить по своим собственным правилам мигрировали на Большую Планету. На Земле может разбогатеть или унаследовать состояние человек с воспаленным воображением; он нередко находит себе маленький уютный мир где-нибудь за пределами локального звездного скопления и становится там единоличным правителем. Пираты продают ему рабов, и в частном мире такого монарха его воля – закон. Проведя два-три месяца в запредельной вотчине, самодержец возвращается в Ойкумену и на некоторое время превращается в законопослушного обывателя. Вскоре, однако, космополитическое существование ему надоедает, и он снова скрывается на своей тайной планетке, затерявшейся в потоках бесчисленных звезд».

IV

После продолжительного молчания Нэнси спросила: «Какое отношение все это имеет к Чарли Лисиддеру?»

Глистра покосился на нее – в темноте его лицо казалось девушке бледной непроницаемой маской: «Как Баджарнум платит за контрабандное оружие? Оно дорого стоит. За каждый лучемер проливается много крови, причиняется много боли».

«Не знаю... никогда об этом не думала».

«На Большой Планете нет металла, но у вас есть ценный товар».

Нэнси никак не отозвалась.

«Люди».

«О!»

«Чарли Лисиддер подобен переносчику чумы – он заражает половину известной Вселенной».

«Но что вы можете с этим сделать? Вас только восемь человек. У вас нет ни оружия, ни планов, ни документов...»

«У нас есть головы на плечах».

Нэнси снова погрузилась в молчание – Глистра вопросительно поглядывал на нее: «Тебя это не впечатляет?»

«У меня... нет достаточного опыта, чтобы об этом судить».

Клод Глистра снова попытался получше рассмотреть ее лицо в темноте, чтобы понять наконец, не смеется ли она над ним: «Мы умеем сотрудничать. Каждый из нас – специалист в своей области. Например, Пьянца, – он указал кивком на серый силуэт, бредущий слева, – организатор и администратор. Кетч регистрирует камерой изображения и звуки. Брюс Дарро – эколог...»

«Что такое эколог?»

Глистра взглянул вперед, на спины Фэйна и Дарро, размеренно шагавших по потрескивающей в унисон травяной подстилке. Теперь вокруг уже попадались группы высоких деревьев, а впереди, чернее темного неба, угрожающе приближалась полоса Цаломбарской Чащи. «Эколог, – сказал Глистра, – в конечном счете, заботится о том, чтобы люди были сыты и здоровы. Голодные люди раздражительны и опасны».

«Цыгане всегда голодны и опасны, – глухо отозвалась Нэнси. – Они убили моего отца...»

«Они *убили* его не потому, что были голодны – мертвец работорговцу бесполезен. Не сомневаюсь, что его пытались захватить живьем... Что ж, вернемся к нашим специалистам. Фэйн занимается минералогией. Я – координатор и пропагандист». Упреждая неизбежный вопрос девушки, он сам задал вопрос: «Что позволило Баджарнуму завоевать соседние земли?»

«Его армия сильнее... И он очень хитрый».

«Представь себе, что армия перестанет ему подчиняться. Представь себе, что никто не будет выполнять его приказы. Что тогда?»

«Ничего. Он ничего не сможет сделать».

«Пропаганда, если она максимально эффективна, дает именно такой результат. Я работаю в паре с Бишопом. Стив Бишоп – культуролог, он изучает устройство человеческих обществ. Он может взглянуть на наконечник стрелы и сказать, от кого унаследовал свое имя человек, изготовивший этот наконечник – от отца или от матери. Если ему известны условия происхождения племени, он может определить его расовые характеристики и предсказать реакции представителей этого племени на различные воздействия, заставляющие их вести себя, как

стадо... – Глистра хотел было сказать „овец“, но вспомнил, что на Большой Планете не было овец. – Как стадо печави».

Девушка взглянула на него с усмешкой: «Вы умеете заставлять людей вести себя, как печави?»

Глистра покачал головой: «Не совсем так. Или, точнее говоря, не всегда и не везде».

Они шагали вниз по склону. Темная стена деревьев приблизилась, и они углубились в Цаломбарскую Чашу. Во мраке между стволами брели восемь едва различимых фигур. Наклонившись к девушке, Глистра тихо сказал: «Кто-то из наших спутников – не знаю, кто – мой враг. Нужно каким-то образом узнать, кто он...»

Нэнси затаила дыхание. «Ты уверен?» – едва слышно спросила она.

«Уверен».

«Что он может сделать?»

«Не знаю. Нужно быть готовыми ко всему».

«Волшебный Родник в Миртопрестоле раскрыл бы твою тайну. Оракулу все известно».

Глистра почесал в затылке: «Миртопрестол? Где это?»

Девушка указала рукой на восток: «Где-то там. Я там никогда не была – путь слишком опасен, если не ехать в гондоле канатной дороги, а за это нужно платить полновесным железом. Отец рассказывал мне об оракуле у Родника. Оракул трясется с пеной у рта и отвечает на любые вопросы, а потом умирает, и донгманы выбирают нового оракула».

Шедшие впереди Дарро и Фэйн резко остановились. «Тише! – прошептал Дарро. – Дальше чей-то лагерь – костры».

Вздыхающая под ветром листва Цаломбарской Чаши закрывала небо – царил почти непроглядный мрак, но впереди, между стволами деревьев, трепетала красно-оранжевая искорка.

«Древолазы?» – спросил у Нэнси Глистра.

«Вряд ли... – с сомнением протянула она. – Они не спускаются с деревьев. Кроме того, они смертельно боятся огня».

«Подойдите все, поближе!» – тихо позвал Глистра. Темные фигуры собрались вокруг.

Глистра говорил торопливым полупшепотом: «Я пойду на разведку. Не расходитесь! Совершенно необходимо держаться вместе. Оставайтесь здесь и не шумите, пока я не вернусь. Нэнси, встань посередине. Остальные, окружите ее так, чтобы соприкасаться локтями. Знайте, кто стоит справа и слева, следите за тем, чтобы никто не ушел».

Он обошел собравшихся по кругу: «Все прикасаются друг к другу? Хорошо. Назовите себя». Последовала тихая переключка.

«Я скоро вернусь, – пообещал Глистра. – Если мне потребуется помощь, я крикну. Так что прислушивайтесь».

Он пробирался вниз по склону как можно осторожнее, но лесная подстилка все равно хрустела под ногами.

Посреди поляны горел большой костер, сложенный из бревен – пламя ревело. Вокруг костра беззаботно развалились на земле человек пятьдесят или шестьдесят. На них были свободные синие униформы: мешковатые бриджи, подвязанные под коленями, и блузы с широкими черными поясами. На груди у каждого была красная нашивка – треугольник, обращенный вершиной вниз. В поясных сумках у солдат были ножи и рогатки, а их плоские корзины с ремнями для ношения за спиной были набиты дротиками.

Отряд этот явно привык к тяготам походной жизни – смуглые, коренастые и узкоглазые, с крючковатыми носами и широкими плоскими скулами, все они стригли «лопатою» торчащие вперед короткие бороды. Солдаты болтали, посасывая какое-то пойло из черных, овально-изогнутых кожаных бурдюков. В данный момент дисциплина оставляла желать лучшего.

Чуть поодаль, повернувшись спиной к костру и шуму, стоял человек в черной униформе. По телосложению и светлым волосам Глистра распознал в нем Аббигенса. Аббигенс давал указания другому человеку – судя по всему командиру отряда. Офицер слушал его и кивал.

Благодаря зареву яркого костра Глистра заметил неподалеку, за деревьями, вереницу беспокойных странных тварей, мотавших головами на длинных шеях, бормотавших и постанывавших, хватавших воздух шелкающими зубами. Узкогрудые, с высокими костлявыми задами, они переминались на шести сильных ногах. Их удлинённые рыла – чем-то одновременно напоминавшие морды верблюдов, лошадей, коз, собак и ящериц – не вызывали доверия. Погонщик не позаботился снять с них привязанные ноши. Глистра насторожился – его чрезвычайно заинтересовали эти предметы.

На спине одного животного были закреплены три большие металлические втулки, на спине другого – короткое массивное дуло и связка металлических стержней. Глистра понял, что перед ним – компоненты передвижной ионно-лучевой пушки, способной одним залпом сравнять с землей такой поселок, как Джубилит. Оружие несомненно было изготовлено на Земле. Глистра оглянулся, глядя в темноту между стволами деревьев. Странно, что командир отряда не выставил часовых!

Внимание Глистры привлекли возгласы и движение на краю опушки. Там собралась дюжина солдат – они стояли, задрав головы, указывая пальцами вверх и оживленно переговариваясь. Глистра тоже взглянул вверх. Метрах в тридцати над окраиной поляны располагалась целая деревня – висячие хижины, покачивающиеся под ветвями, как птичьи гнезда, соединенные сетью примитивных подмостей и переходов, перевязанных лианами. Огней в темных хижинах не было, но по краям подмостей вниз смотрели десятки бледных лиц, окаймленных взъерошенными бурными волосами. Древолазы молчали и почти не двигались, но когда кто-нибудь из них перемещался, он это делал внезапно и прытко, наподобие белки. По всей видимости, солдаты-божолейцы раньше не замечали древесное селение. Теперь они обсуждали достоинства девушки-древолазки – с землистой физиономией и мутными глазами – но демонстрировавшей, тем не менее, безошибочные признаки принадлежности к женскому полу.

Глистра завистливо посматривал на выючных животных, прикидывая, не сможет ли он тайком увести их в лес, пока внимание солдат отвлечено дикаркой, притаившейся в кроне дерева. Он решил, что у него практически не было никаких шансов.

Там, где солдаты дразнили дикарей, происходило что-то еще. Молодой увалень с торчащими усами взбирался по грубо сколоченной приставной лестнице к хижине, куда спряталась, высунув только голову, девушка-древолазка. Дальнейший подъем не составлял труда – там, где от ствола отходила ветвь, направленная под углом вверх, в дереве были вырублены ступени. Солдат, подбадриваемый одобрительными выкриками товарищей, пробежал вверх по ступеням и задержался на бревенчатой площадке. Теперь его фигура была наполовину скрыта ветвями. Ветви покачнулись: раздался свистящий звук, завершившийся глухим стуком; ветви затрещали – кувыркаясь в воздухе, безвольно размахивая руками и ногами, из темной листвы на опушку тяжело свалилось тело.

Глистра испуганно отшатнулся и посмотрел вверх. В древесном поселке никто не шевелился. По всей видимости, усатый солдат наткнулся на ловушку. Подвешенный груз сорвался и сбил его с площадки. Упавший храбрец лежал и стонал. Другие солдаты стояли вокруг и смотрели на него без особого сочувствия. Некоторые поглядывали вверх на древолазов, но, опять же, без особой враждебности.

Аббигенс и командир отряда подошли и остановились, глядя на упавшего солдата. Побледнев от боли, тот заставил себя сдерживать стоны и теперь лежал молча. Командир что-то сказал; Глистра слышал, каким тоном он говорил, но не мог различить слова. Лежащий солдат ответил и, приложив отчаянное усилие, попытался подняться на ноги. Но его правая

нога подогнулась под неестественным углом – задрал подбородок вверх и сжав зубы, усатый солдат снова лег на землю.

Командир обратился к Аббигенсу. Аббигенс произнес несколько слов, указывая на хижины древесного поселка. Офицер подал знак одному из солдат и отвернулся.

Солдат с ножами на поясе подошел к лежащему на земле товарищу, что-то с отворачиванием пробормотал, вынул шпагу из ножен и заколол упавшего.

У Глистры, прятавшегося за стволом дерева, комок подступил к горлу – он судорожно глотнул.

Офицер расхаживал туда-сюда по опушке, громко выкрикивая приказы. Теперь Глистра мог слышать, что он говорил: «Вставайте, вставайте! Постройтесь, живо! Мы тут слишком долго торчали. Погонщик, займись скотиной...»

Аббигенс быстро подошел к командиру и обронил несколько слов. Офицер кивнул и пересек поляну в направлении привязанных за деревьями шестиногих тварей. Глистра снова не слышал его приказ, но солдат-погонщик тут же подвел поближе двух животных, перевозивших компоненты лучевой пушки.

Прищурившись, Клод Глистра наблюдал за происходящим. Неужели они собирались испепелить деревню древолазов?

Лучевое орудие собрали и установили на треножнике с шарнирным навершием. Пламя костра отражалось на гладкой поверхности металлического дула. Канонир несколько раз повернул свинченную трубу из стороны в сторону, а затем сверху вниз и снизу вверх, чтобы проверить подшипник и баланс. Он снял предохранитель, подкрутил регулятор, нажал на спусковой крючок. Из наконечника дула вырвалась тонкая струя фиолетового света – затрещал наэлектризованный воздух, лесная подстилка взметнулась искрами и дымом.

Испытание прошло успешно. Орудие было готово к выполнению своей разрушительной функции.

Канонир направился к веренице выючных животных, выбрал одно покрупнее и принялся расстегивать ремни, удерживавшие поклажу. Погонщик раздраженно подбежал к нему, и двое стали громко спорить.

Глистра, сидевший на корточках за стволом дерева, начал было вставать, но сначала передумал. Разозлившись на себя, он собирался с духом. Настала пора побороть страх и воспользоваться случаем! Распрявившись, он сделал несколько шагов вперед и, затаив дыхание, выступил на озаренную костром поляну. Развернув лучевое орудие, он уменьшил апертуру наконечника дула и снял предохранитель. Все это было так просто, смехотворно просто!

Один из солдат вскрикнул и указал на него пальцем.

«Стоять, не двигаться!» – громко и четко приказал Глистра.

V

По всей поляне замерли фигуры в синих униформах, изумленные лица повернулись к пушке. Яростно выругавшись, канонир бросился вперед. Повернув орудие, Клод Глистра нажал на спусковой крючок: воздух затрещал, опаленный ослепительным веером фиолетового света. Канонир и еще пятеро солдат, оказавшихся в секторе огня, превратились в разорванные обугленные трупы.

«Пьянца! Фэйн!» – громко позвал Глистра.

Больше никто из солдат не шевелился. Аббигенс тоже оцепенел, уставившись на Глистру; его обмякшее лицо посерело, глаза стали черными, как пара оливок.

За спиной послышались шаги. «Кто идет?» – спросил Глистра.

«Эли Пьянца – и все остальные».

«Хорошо. Держитесь в стороне, чтобы не попасть под прицел». Глистра снова повысил голос: «А теперь – солдаты Божоле! Соберитесь посреди поляны, с этой стороны костра... *Живо!*»

Солдаты угрюмо и неохотно переместились, сгрудившись в центре опушки. Аббигенс поспешно сделал три шага, чтобы присоединиться к ним, но Глистра остановил его: «Аббигенс! Заложи руки за голову, иди сюда! Пошевеливайся!»

Кивнув Пьянце, Глистра прибавил: «Конфискуй его оружие». Тем временем командир отряда потихоньку перемещался за спинами солдат: «Эй, ты! Выходи вперед, руки за голову!» Не отрывая глаз от офицера и солдат, Глистра сказал в сторону: «Кто-нибудь – Элтон – обыщите его».

Элтон выступил навстречу командиру; Валюссер начал было следовать за ним. Глистра рявкнул: «Все остальные, ни с места!» И пробормотал себе под нос: «Щекотливая ситуация...»

У Аббигенса нашелся карманный лучемет; командир отряда носил в кобуре пистолет, стрелявший реактивными разрывными пулями.

«Сложите их оружие на земле, расстегните вьючные ремни и свяжите мерзавцев», – приказал Глистра.

Связанные и беспомощные, Аббигенс и командир лежали на краю опушки. Солдаты бормотали и переминались с ноги на ногу перед костром.

«Нэнси!» – позвал Глистра.

«Я здесь».

«Сделай в точности то, что я тебе скажу. Подбери, взявшись за дула, этот лучемет и этот пистолет. Принеси их мне. Не проходи между пушкой и солдатами».

Нэнси прошла по опушке туда, где на земле поблескивало конфискованное оружие.

«*Возьмись за дула!*» – хрипло напомнил Глистра.

Девушка поколебалась и обернулась, бросив на Глистру загадочный взгляд широко открытых глаз; она побледнела и напряглась, щеки ее казались впалыми. Глистра холодно наблюдал за ней. Доверять нельзя было никому. Нэнси нагнулась, опасливо приподняла лучемет и пистолет, взявшись за дула, и принесла их ему. Опустив оружие в поясную сумку, Глистра покосился на спутников. Кто-то из них лихорадочно обдумывал варианты своего спасения... Кто?

Наступал критический момент. Кто бы ни был сообщником Аббигенса, этот человек должен был попытаться незаметно подкрасться сзади.

Глистра протянул руку: «Я хочу, чтобы вы стояли там, в стороне». Он подождал до тех пор, пока все его спутники не оказались сбоку, на краю поляны. «А теперь, – обратился он к солдатам, – подходите по одному...»

Через полчаса все солдаты мрачно сидели тесным кружком, со связанными за спиной руками, лицом к костру. Аббигенс и командир отряда лежали, слегка приподняв головы; Аббигенс следил за Глистрой ничего не выражающими глазами. Клод Глистра, в свою очередь, наблюдал за Аббигенсом, пытаясь уловить взгляд предателя, обращенный к сообщнику.

Эли Пьянца с сомнением смотрел на сидевших плечом к плечу пленников: «Затруднительная ситуация... Что ты собираешься с ними делать?»

Глистра, стоявший за пушкой, слегка расслабился и потянулся: «Что ж... освободить их было бы ошибкой. Чем дольше Баджарнум не будет знать, что случилось с его отрядом, тем дольше мы сможем идти, не опасаясь погони». Они помолчали, разглядывая пленников в мешковатых синих униформах: глаза солдат дьявольски поблескивали, отражая пламя костра. «Остается только их убить или взять с собой», – заключил Глистра.

Встревоженный Пьянца резко повернулся к нему: «Взять *их* с собой?»

«В нескольких километрах ниже по склону начинается степь. Страна кочевников. Если нам придется драться, может быть, было бы полезно склонить солдат на нашу сторону».

«Но... у нас есть лучевая пушка. Нам не нужны их шпаги и дротики».

«В западне пушка бесполезна! На нас могут напасть с двух или с трех сторон одновременно. Лучевая пушка – прекрасная вещь, когда видишь, в кого стреляешь».

«С ними трудно будет справиться».

«Я учитываю это обстоятельство. В лесу они будут идти в связке. В открытой степи они могут маршировать впереди, под прицелом пушки. Естественно, придется соблюдать осторожность».

Глистра установил на пушке предохранитель и опустил дуло к лесной подстилке, после чего прошел туда, где лежал Аббигенс: «Не пора ли нам побеседовать?»

Уголки широкого рта стюарда опустились: «Что ж, поговорим. Что вы хотите знать?»

Глистра слегка усмехнулся: «Кто помогал тебе на борту „Виттории“?»

Аббигенс обвел глазами лица спутников Глистры. «Пьянца», – сказал он без тени смущения.

Эли Пьянца возмущенно поднял мягкие седые брови. У кого-то другого на лице что-то промелькнуло – но тут же исчезло.

Глистра резко отвернулся. В данный момент он мог безусловно доверять только самому себе.

Он подозвал Дарро и Элтона: «Охраняйте пушку вдвоем. Не доверяйте друг другу. Среди нас притаился враг. Мы не знаем, кто он, и не можем предоставить ему возможность всех нас перестрелять». Глистра отошел на шаг, с лучеметом наготове: «Я хочу, чтобы солдат обыскали. У них могло остаться огнестрельное оружие. Пьянца, у тебя есть лучемет?»

«К себе в каюту я забраться не смог, но Фэйн одолжил мне один из своих».

«Повернись ко мне спиной и положи лучемет на землю».

Пьянца подчинился без возражений. Клод Глистра шагнул вперед и обыскал Пьянца одной рукой, а также заглянул в его поясную сумку. Никакого другого оружия он не нашел.

Таким же образом Глистра экспроприировал карманный лучемет Фэйна и лазерное ружье, найденное Кетчем в каюте первого помощника. Валюссер и Бишоп были вооружены только ножами. У Нэнси вообще не было оружия.

Засунув лучеметы и ружье в поясную сумку и за пояс, Глистра вернулся к пушке и отобрал лучемет у Элтона. Теперь у Глистры накопились пять стволов, считая лазерное ружье и лучемет Аббигенса.

«Теперь, когда ни у кого не осталось огнестрельного оружия, думаю, нам следовало бы выпастись. Кетч и Валюссер, возьмите пару шпаг и встаньте друг против друга по краям поляны так, чтобы пушка находилась в третьей вершине треугольника, на равном расстоянии от каждого из вас. Не ходите между пушкой и солдатами, потому что, если что-нибудь случится,

вам крышка, – Глистра повернулся к Дарро и Элтону. – Вы слышали? Пользуйтесь пушкой по любому, малейшему поводу».

«Понятно», – сказал Элтон. Дарро кивнул.

Глистра взглянул на Нэнси, Пьянцу и Бишопа: «Мы несем вторую вахту... Можно прилечь вот здесь, у костра, подальше от пушки».

На лесной подстилке, нагретой костром, под покрывалом было мягко и удобно. Глистра растянулся на спине, чувствуя, как усталость пульсирует в костях и мышцах. На какой-то момент у него даже закружилась голова от приятной боли расслабления.

Он лежал и размышлял, подложив руки под голову. Сверху бледные пятна лиц все еще смотрели на него с подвесных переходов – невозможно было сказать, переместились ли они вообще с тех пор, как он их увидел впервые.

Стив Бишоп устроился поблизости и глубоко вздохнул. Глистра взглянул на него, на мгновение ощутив приступ жалости. У Бишопа, чистоплотного библиотечного ученого, не было никакой врожденной склонности к бивуачной жизни... Нэнси вернулась из леса. Когда она уходила, Глистра исполнился подозрениями, но теперь успокоился. «Не забыть бы, – напомнил он себе, – отправить ее домой в Джубилит, как только взойдет солнце».

На поляне стало тихо – доносилось только неразборчивое бормотание сгрудившихся лицом к костру солдат. Дарро и Элтон стояли, как статуи, за лучевой пушкой. Кетч и Валюссер медленно прохаживались туда-сюда, Кетч на одном краю опушки, Валюссер – на другом. Нэнси закрыла глаза и грелась, лежа у костра. Бишоп мгновенно заснул, как младенец; Пьянца беспокойно вертелся с боку на бок.

Напряжение росло, и Глистра пытался объективно определить его происхождение. Элтон проявлял чрезмерную бдительность? Дарро застыл в неестественно неподвижной позе? Какие-то психические эманации исходили от лежавшей рядом Нэнси? Что-то настораживало в ритме дыхания Бишопа или Пьянцы? Глистра пытался заметить, на кого чаще всего поглядывал Аббигенс – но безуспешно.

Проходили минуты, четверть часа, полчаса. Воздух казался хрупким, как тонкий лед.

Мосс Кетч сделал пару шагов в направлении пушки, подал знак рукой, тихо произнес несколько слов и направился в лес. По тесному кругу солдат пробежала волна небольших движений. Односложная команда Дарро заставила пленников притихнуть.

Кетч вернулся, после чего в лес удалился Валюссер. И снова пленники возбужденно зашевелились, снова Дарро приказал им не двигаться – и опять солдаты постепенно подчинились, опустив головы в нелепых черных фетровых шляпах.

За лучевой пушкой внезапно появилась фигура, со свистом взмахнувшая шпагой. Раздался изумленный возглас, завершившийся клокочущим стоном боли...

Сжав зубы, Клод Глистра вскочил на ноги, выхватил лучемер.

За пушкой теперь сгорбился только один силуэт – металлическая труба уже поворачивалась в ту сторону, где стоял Глистра. Глистра видел, как напряглись локти этого человека – враг приготовился стрелять... Глистра нажал на курок. Мимо костра к темной фигуре с электрическим гудением прорвался слепящий луч фиолетового огня. Голова врага обуглилась и съезжилась, расколота пушка свалилась с треножника. Глистра тут же повернулся к солдатам. Те поднялись на ноги и стояли наготове, не решаясь ни нападать, ни бежать.

«Сидеть!» – хрипло выкрикнул Глистра и, чтобы не оставалось сомнений, навел на солдат дуло лучемера. Пленники поспешно опустили на землю.

Глистра подошел к обломкам лучевой пушки и увидел три тела. Элтон был еще жив. Брюс Дарро распластался без движения, обратив к небу искаженное яростью лицо. Поперек ног Дарро лежал опаленный лучемером труп Валюссера.

Глистра смотрел на опаленные останки предателя: «Значит, это был Валюссер. Хотел бы я знать, чем его подкупили?»

Мосс Кетч уже распаковал аптечку. Они опустились на колени рядом с Элтоном. Из раны на шее инженера обильно сочилась кровь. Глистра окропил рану составом, ускоряющим свертывание крови, обработал ее антисептиком и нанес из аэрозольного баллончика эластичную пленку, стягивавшую края раны по мере того, как она подсыхала.

Поднявшись на ноги, Глистра подошел к лежащему Аббигенсу: «Теперь ты практически бесполезен. Я узнал то, что хотел узнать».

Аббигенс встряхнул головой, чтобы густой желтоватый чуб не мешал ему видеть: «Вы намерены меня убить?»

«Поживем – увидим». Глистра отвернулся и взглянул на часы: «Полночь». Он передал лучемер Элтона Кетчу, а Бишопу и Пьянце сказал: «Идите спать. Мы подежурим три часа».

VI

Дарро и Валюссера похоронили в братской могиле вместе с погибшими божолейцами – молодым усачом, упавшим с дерева, и шестью солдатами, попавшими под огонь лучевой пушки, когда ее захватил Глистра.

Как только комки земли стали падать на тела погребенных, Аббигенс с облегчением вздохнул. Глистра усмехнулся – судя по всему, стюард ожидал, что его похоронят с Валюссером.

Косые солнечные лучи, яркие и плотные, как панели люминекса, пробивались сквозь листву. От костра остался только пепел, испускавший бледный дым. Пора было уходить.

Глистра посмотрел по сторонам: где Нэнси? Девушка стояла рядом с выючными животными, стараясь по возможности держаться незаметно. У нее за спиной древесные стволы возвышались подобно колоннам огромного храма; между ними продолговатые лоскутки солнечного света озаряли лесную подстилку.

Нэнси почувствовала взгляд Глистры, широко раскрыла глаза и, улыбаясь, с надеждой посмотрела навстречу. У Глистры сжалось сердце, он отвернулся. Элтон наблюдал за ним с непроницаемым выражением. Поджав губы, Глистра решительно направился к девушке: «Нэнси, тебе пора возвращаться в Джубилит».

Улыбка сползла с ее лица, уголки губ опустились, глаза увлажнились. Очевидно понимая бесполезность возражений, она молча повернулась и пересекла поляну. Перед тем, как зайти глубже в лес, она задержалась и оглянулась.

Клод Глистра смотрел на нее, не говоря ни слова.

Нэнси ушла. Он продолжал смотреть ей вслед, пока она не скрылась за стволами. Через некоторое время на озаренной солнцем прогалине снова показалась и пропала ее уныло бредущая вверх по склону фигура.

Через полчаса отряд построился и тронулся в путь. Впереди семенили шаркающими шажками пленники-божолейцы – лодыжки каждого были привязаны к лодыжкам впереди идущего и следующего. Они несли шпаги и рогатки, но их дротики сложили в корзины на спинах выючных животных.

Командир возглавлял процессию, Аббигенс шел последним. За солдатами брели выючные животные; на носилках, подвешенных между двумя первыми тварями, покачивался Элтон. Он уже полностью пришел в себя, шутил и держал колонну пленников на прицеле лазерного ружья.

Древолазы тоже проснулись на рассвете и продолжали следить за чужеземцами. Все время, пока отряд шагал по лесу, над головой слышался частый топот босых ног, бегущих по подвесным переходам, скрип волоконных канатов. Иногда из листвы доносились бормочущие голоса, детский плач. Поддерживаемый ветвями свод переплетенных лиан и высохших «бород» висячих растений до сих пор практически полностью загораживал солнечный свет. Эта «вторая подстилка» леса, влажная снизу, удобренная гниющими остатками листьев и плодов, распространялась во все стороны на поразительное расстояние.

«Что ты думаешь по этому поводу?» – спросил Пьянца, указывая вверх.

«На первый взгляд это похоже на висячий сад, – отозвался Глистра. – Жаль, что с нами больше нет эколога. Брюс мог бы, наверное, что-нибудь рассказать о хозяйстве древолазов...»

Лица идущих все чаще озаряли потоки солнечного света – чаща «висячих садов» кончалась. Глистра опередил вереницу солдат и присоединился к командиру, угрюмо смотревшему вперед: «Как тебя зовут?»

«Морватц. Ноговод Зориандер Морватц, сто двенадцатый выпускник Академии в Шамп-Марсе».

«Что тебе приказал Баджарнум?»

Офицер колебался – он никак не мог решить, следовало ли ему отвечать на вопросы. Невысокий круглолицый человек с выпуклыми черными глазами, он говорил на диалекте, слегка отличавшемся от жаргона его подчиненных, и все еще, по привычке, сохранял некоторую важность походки.

«Что тебе приказали?»

«Приказали слушаться землянина, – Морватц неприязненно указал большим пальцем назад, на Аббигенса. – У него фирман Чарли Лисиддера – документ, облакающий большими полномочиями».

Поразмышляв немного о полученной информации, Глистра спросил: «Кому адресован приказ – тебе лично?»

«Командиру гарнизона Монмарши».

«Гм!» Где Аббигенс умудрился получить приказ, подписанный Баджарнумом Божолейским? Во всем этом чувствовалась закономерность, которую Клод Глистра все еще не мог точно определить. В любом случае, одним предательством Валюссера не могли объясняться все события последних недель.

Он задал еще несколько вопросов и узнал, что Морватц был потомком гердонов – касты мелкопоместной знати – и безмерно гордился этим обстоятельством. Родился он в поселке Пеллисад, в нескольких километрах к югу от Гросгарта. Морватц считал, что Землю населяла безмозглая раса биороботов, подчинявшихся, подобно автоматам, сигналам гонга и колокольчиков. «В Божоле мы скорее умрем, чем позволим себе унизиться до такой степени!» – с чувством заявил командир.

«*Вот она, противоположность земного стереотипа!*» – подумал Глистра. Земляне представляли себе обитателей Большой Планеты колоритными безрассудными дикарями-головорезами. Усмехнувшись, он спросил: «Разве кто-нибудь из нас ведет себя, как существо, лишенное свободной воли?»

«Вы – земная элита. В Божоле у нас никогда не было такого рабства, как у вас на Земле. О, мы слышали о том, как у вас делаются дела – от знающих людей!»

Командир покосился на Глистру: «Почему ты смеешься?»

Продолжая ухмыляться, Глистра ответил: «*Найсуга*. По наитию, без всякой причины».

«Ты произнес слово, подобающее только самой высокой касте, – с подозрением сказал Морватц. – Даже я не осмелился бы его вымолвить».

«Вот как! – Глистра поднял брови. – Тебе не позволяют произносить некоторые слова – и в то же время ты считаешь, что не живешь в рабстве?»

«Именно так. Так должно быть». Морватц набрался храбрости и сам задал вопрос: «Что вы с нами сделаете?»

«Если вы будете выполнять приказы, у вас будет такой же шанс выжить, как у нас. Я рассчитываю на тебя и на твоих солдат – вы можете защищать нас в пути. А когда мы прибудем в пункт назначения, вы будете сами распоряжаться своей дальнейшей судьбой».

Морватц заинтересовался: «А куда мы идем?»

«В Земной Анклав».

Морватц нахмурился: «Не знаю, где этот анклав. Сколько до него лиг?»

«Шестьдесят четыре тысячи километров. Тринадцать тысяч лиг».

Морватц запнулся и чуть не упал: «Вы с ума сошли!»

Глистра расхохотался: «Всем нам остается благодарить за свои злоключения одного человека». Он тоже ткнул большим пальцем назад: «Аббигенса».

Морватц никак не мог собраться с мыслями: «Прежде всего придется идти через страну кочевников. Нас схватят, пристегнут к фургонам и станут погонять, как зипанготов, – командир указал кивком на шестиногих животных. – Кочевники – люди другой расы, они нас презирают и ненавидят».

«Напасть на пятьдесят человек не так просто, как на восьмерых».

Морватц мрачно покачал головой: «В прошлом шестимесячье атман Плетка разорил набегами чуть ли не треть Божоле, оставив после себя одни пожарища и трупы».

Глистра смотрел вперед – на редующие стволы деревьев и открывающуюся за ними степь: «Вот она, перед нами – страна кочевников. Что за ней?»

«За степью кочевников? – Морватц нахмурился. – Сначала – река Ауст. Дальше – болота и тросоплеты с Болотного острова. А за болотами...»

«Что?»

«Если идти прямо на восток – не знаю. Дикари, дикое зверье. На юге – страна под названием „Фелиссима“, город Кирстендейл и канатная дорога к оракулу – до Волшебного Родника в Миртопрестоле. За Миртопрестолом – Каменная пустыня, но о ней я ничего не знаю, потому что никто из нас не ездил дальше на восток».

«Сколько лиг до Миртопрестола?»

«Несколько сот. Не могу точно сказать. Отсюда до реки – пять дней пешего хода. Ауст придется перелететь на подвесном тросе Эдельвейса, потому что, если мы пойдем по берегу, то вернемся вдоль излучины на юго-запад, обратно в Божоле».

«А почему реку нельзя переплыть на лодках или плотах?»

Морватц строго взглянул на Глистру: «Гриамоботы!»

«Это еще кто такие?»

«Речные хищники. Ужасные твари».

«Гм. А за рекой? Что там? Где кончаются болота?»

Морватц прикинул в уме: «На восток путь займет четыре дня – если найдется добротная гондола. Но если вы решите повернуть на юг, то сможете проехать по канатной дороге мимо топи – Гибернийской топи, сами понимаете – до Кирстендейла. А затем, если вы сможете оттуда уехать...»

«Почему бы мы не смогли оттуда уехать?»

«Некоторые уезжают, – хитро подмигнув, ответил круглолицый командир, – другие остаются... Из Кирстендейла тросы протянуты на запад до Гросгарта, на юг к торговым факториям Фелиссимы и на восток до Миртопрестола».

«Как далеко от Кирстендейла до Миртопрестола?»

«О... – Морватц неопределенно махнул рукой. – Два, может быть три дня пути в гондоле. Без канатной дороги там не обойдешься – с Эйри спускаются опасные племена».

«А дальше, за Волшебным Родником?»

«Пустыня».

«А за пустыней?»

Морватц пожал плечами: «Спросите оракула. Если вы богаты и можете заплатить полным весом металлом, он ответит на любые вопросы». Командир говорил убежденно, словно это была непререкаемая истина.

Полог листвы над головой прервался, и путники вышли в сияющее солнечное пространство. Впереди все еще спускался склон – бескрайняя, обдуваемая ветрами торфянистая степь, казавшаяся слегка вогнутой в перспективе. Вокруг не было никаких признаков человеческих построек или ориентиров, но где-то далеко на севере поднимался плотный столб дыма – ветер относил его к востоку.

Глистра остановил отряд и построил солдат в каре вокруг выючных животных – зипангатов, как их называл Морватц. Пару тварей, на которых нагрузили дротики, сторожил Элтон, ехавший на носилках сразу за ними. В руке он держал рогатку с дротиком, а лазерное ружье заткнул за пояс – так, чтобы его нельзя было неожиданно схватить. Аббигенс шел в переднем правом углу каре, Морватц – в заднем левом углу. Пьянца и Фэйн, вооруженные лучеметами, выполняли функцию охранников справа и слева; за солдатами шли Бишоп и Кетч.

За два часа до полудня отряд начал спускаться по росистой степной траве, и мало-помалу верхние просторы гигантского склона потерялись в дымке за спиной, а лес превратился в смутную темноватую полосу. Крутизна склона уменьшалась.

Солдаты стали возбужденно переговариваться. Выпучив глаза, они задерживались, нарушая размеренный ритм шагов.

Проследив направление их взглядов, Глистра заметил на горизонте дюжину высоких горбатых зипанготов, апатично бредущих навстречу.

«Кто это? Цыгане?»

Морватц пригляделся к каравану; на его напряженном лице обозначились глубокие морщины: «Цыгане, но не джигиты. Это бойцы высшей касты – может быть, даже политборы. Только политборы скачут верхом на зипанготах. Мы могли бы отбиться от джигитов: те нападают в полном разброде, у них никогда нет определенного плана – ни дисциплины, ни стратегии. Им достаточно захватить трех-четыре человека, чтобы продать их в рабство или пристегнуть в упряжку фургона. Но политборы...» Качая головой, командир замолчал.

«Так что же – политборы?» – Глистра ждал продолжения.

«Опытные и храбрые бойцы, воеводы. Сами по себе джигиты – просто разбойники. Но под предводительством политборов они превращаются в демонов!»

Глистра повернулся к Бишопу: «Стив, ты что-нибудь знаешь об этих цыганах?»

«В „Преданиях Большой Планеты“ Вандома приводится краткое описание цыган, но автор в основном уделяет внимание их расовому происхождению, а не культуре. Родоначальниками местных так называемых „цыган“ была группа земных скотоводов-киргизов из Средней Азии. Когда Служба метеоконтроля увеличила количество осадков к востоку от Кавказа, эти кочевники переселились на Большую Планету, где, по их представлению, их ожидали вольные степи, которые никто еще не пытался возделывать. Они летели сюда в „братском трюме“ третьего класса; в том же пассажирском трюме везли небольшой цыганский табор и полинезийских сектантов. Главарь цыган по имени Пан-Вислап зарезал киргизского атамана и взял себе в жены верховную жрицу полинезийского матриархата – так что, когда они прибыли на Большую Планету, Пан-Вислап контролировал всю группу мигрантов, и под влиянием его личных представлений и предпочтений в стране кочевников сформировалась смешанная киргизско-полинезийско-цыганская культура».

Теперь неспешно приближавшийся встречный караван был уже примерно в полутора километрах.

Глистра обратился к Морватцу: «Как живут эти люди?»

«Разводят зипанготов, суркодавов, печави, дойных крыс. Собирают грибковый торф вокруг горячих источников, споровые стручки цикад во Впадине. Весной и осенью охотятся за рабами, совершая вылазки на север – в Божоле и в Керкатен, или на юг – в Рамспур. Ауст отрезает им путь в Фелиссиму и к реббирам Эйрийских гор, – Морватц с сожалением вздохнул. – А! Как было бы хорошо, если бы реббиры и цыгане перерезали друг другу глотки!»

«Реббиры – типичные кочевники, – пояснил Бишоп. – Они мало чем отличаются от античных скифов».

«Почему вас так беспокоит образ жизни цыган? – раздраженно спросил Морватц. – Сегодня вечером вы близко с ним познакомитесь – вам предстоит тащить их фургоны по степи».

VII

Жаркое солнце стояло в зените; от спиральной серо-зеленой степной травы исходил аромат, напоминавший дымок далекого костра. По мере приближения встречных зипанготов, бредущих слегка раскачивающейся походкой, дальше показались несколько групп джигитов. Глистра спросил у Морватца: «Они обычно нападают таким образом?» Командир сдвинул на лоб черную шляпу: «Кто знает, что им придет в голову?»

«Прикажи своим людям взять по пять дротиков из корзин и приготовиться», – сказал Глистра. Морватц словно вырос на глазах. Расправив плечи, он повернулся лицом к солдатам и выкрикнул несколько кратких команд. Солдаты-божолейцы тоже выпрямились и построились плотнее. Группами по пять человек они подбегали к вьючным животным, брали дротики и тут же возвращались в строй.

Бишоп с сомнением проговорил: «Ты не боишься, что...» Он не закончил фразу.

«Боюсь показать, что я боюсь, – отозвался Глистра. – Как только солдаты почувствуют слабинку, они разбегутся, как кролики, и попрячутся в лесу. Но их сдерживает привычка к дисциплине. Нужно вести себя уверенно – как будто цыгане не опаснее назойливых мух».

«Надеюсь, что ты прав – по меньшей мере в принципе».

Всадники остановились, когда до них оставалось еще метров сто – вне досягаемости выстрелов из рогаток. Зипанготы цыган были массивнее шестиногих тварей, сопровождавших отряд Глистры – темно-коричневая шерсть караванных животных, гладкая и блестящая, напоминала тюленью, их ноги опирались на мягкие кожаные подушки, у них были длинные мощные шеи и почти горбатые спины с выпуклыми хребтами. Потрепанные кожаные попоны своих зипанготов цыгане украсили примитивными бледными орнаментами, а на морде каждого животного был закреплен ремной перевязью рог – примерно такой, как у белого носорога.

На переднем зипанготе сидел высокий коренастый человек в синих атласных шароварах, коротком черном плаще и конической кожаной шапке с торчащими по бокам заостренными наушниками. В мочки ушей предводитель кочевников продел трехдюймовые бронзовые кольца, а на груди носил большой медальон из полированного железа. Лицо его, круглое и узкоглазое, избородили глубокие морщины.

Глистра услышал, как Морватц пробормотал: «Атман Плетка!»

Клод Глистра рассмотрел атмана повнимательнее – тот не проявлял ни малейшего беспокойства, его безразличная самоуверенность производила больший эффект, нежели вызывающая дерзость. За ним виднелась еще дюжина наездников, одетых примерно так же, а еще дальше угрюмо толпилась сотня мужчин и женщин в потускневших красных, зеленых и синих штанах, украшенных бахромой и кисточками, в блузах из толстой фланели и кожаных ермолках.

Глистра обернулся, чтобы проверить, как ведут себя солдаты-божолейцы – и тут же мимо прожужжал, как оса, дротик, едва не задевший его шею. Инстинктивно отшатнувшись, Глистра взглянул прямо в странное, лишенное всякого выражения лицо Аббигенса, опускавшего рогатку.

«Морватц! – позвал Глистра. – Отберите рогатку у Аббигенса, свяжите ему руки покрепче, а ноги – так, чтобы он едва мог ходить».

Поколебавшись долю секунды, Морватц отдал приказ паре солдат.

Аббигенс сопротивлялся, но Глистре пришлось игнорировать возню за спиной – атман и его наездники-политбои уже спешили и приближались.

Атман задержался в нескольких шагах, усмехаясь и поигрывая арапником. «О чем вы думали, когда решили вторгнуться в цыганскую степь?» – мелодичным, мягким басом спросил он.

«Мы направляемся в Кирстендейл, за болота, – ответил Глистра. – Туда нет другого пути – только через земли кочевников».

Атман слегка оскалил зубы, чудесно инкрустированные кусочками цветных камней: «Оказавшись на нашей земле, вы прощаетесь со свободой».

«Рискуете вы, а не мы».

«Кого нам бояться? Солдат?» – атман презрительно повел плечом.

До ушей Глистры донеслось жалобное, плачущее восклицание: «Клод... Клод!»

Кровь бросилась ему в голову. Глистра даже покачнулся от гнева, но заставил себя сдержаться, заметив, что его реакция явно забавляла внимательного атмана: «Кто меня зовет?»

Атман небрежно оглянулся: «Сегодня утром на краю леса мы нашли женщину со склонов. За нее дадут хорошие деньги».

«Приведите ее сюда, – сказал Глистра. – Я ее куплю».

«Значит, вы богаты? – лениво отозвался атман. – Сегодня цыганам повезло!»

Глистра говорил старательно сдержанным тоном: «Приведите эту женщину сюда, или я прикажу ее привести».

«Прикажешь? Кому? – атман прищурился. – Кто ты такой? На божолейца ты не похож, а для макира у тебя слишком темная кожа...»

Глистра вынул лучемет – так, словно не придавал этому никакого значения – и с ухмылкой пошутил: «Я – электрик».

Атман озадаченно погладил квадратный подбородок: «Где живут эти... электрики?»

«Это не народность, а профессия».

«А! Среди нас нет электриков, мы занимаемся своими делами: воюем, убиваем, ловим рабов».

Глистра принял мрачное решение. Повернувшись к солдатам, он приказал: «Приведите сюда Аббигенса». Атману он пояснил: «С электриками шутки плохи, мы скоры на расправу».

Аббигенса вытолкали вперед. «Если бы твоя смерть не пригодилась в практическом отношении, – сказал ему Глистра, – мы, наверное, тащили бы тебя за собой до самого Земного Анклава, чтобы тебя подвергли деаберрации». Он поднял дуло лучемета. Лицо Аббигенса приобрело оттенок заквашенного теста, он зашелся задыхающимся хохотом: «Как тебя провели, Глистра! Как последнего дурака...» Вырвался фиолетовый луч, воздух затрещал от разряда. Аббигенс упал замертво.

Выражение лица атмана слегка изменилось – как у зрителя, раздраженного скучным спектаклем.

«Отдай мне женщину, – настаивал Глистра, – или тебя постигнет такая же участь!» Он хрипло прибавил не допускающим возражений тоном: «Сию минуту!»

Атман слегка удивился, поколебался, но подал знак своим людям: «Отпустите ее».

Прихрамывая, Нэнси подбежала и упала на колени перед Глистрой, дрожа и всхлипывая. Игнорируя девушку, Глистра сказал атману: «Идите своей дорогой, а мы пойдем своим путем».

К вождю политборов вернулось безупречное самообладание: «Мне уже приходилось видеть такие электрические самострелы. Они убивают, но наши копья убивают не хуже. Особенно в темноте, когда копья летят со всех сторон, а самострел обращен только в одну сторону».

Глистра повернулся к Морватцу: «Прикажи отряду двигаться вперед».

Морватц отступил на шаг, резко поднял руку и опустил ее: «Шагом – марш!»

Атман кивнул с едва заметной усмешкой: «Может быть, мы еще встретимся».

Гигантский склон превратился в тень за дымкой над западным горизонтом; впереди простиралась степь: бескрайняя, как океан, покрытая ковром синевато-зеленой суховатой травы, иногда перемежавшейся порослями черно-зеленого дрока, заполнявшего впадины. Позади остались цыгане – джигиты, разбивавшие лагерь вокруг плотной группы политборов, словно вросших в спины своих зипанготов.

Ближе к вечеру вдаль показалась размытая темная полоса. «По-моему, это деревья, – предположил Фэйн. – Скорее всего, омут вокруг артезианского источника».

Клод Глистра внимательно осматривал горизонт: «Кажется, другого убежища нам не найти. Пора устраиваться на ночь». Оглянувшись, он с опаской взглянул на цыган, теперь уже казавшихся небольшим скоплением темных пятнышек: «Боюсь, нас ожидают большие неприятности».

Тень становилась все более отчетливой и превратилась в рошу из дюжины деревьев. Под деревьями виднелась какая-то буйная растительность на подстилке синевато-белесого мха.

Посреди роши находился небольшой пруд, окаймленный толстым темно-рыжим тростником. Глистра с подозрением поглядывал на грязноватую воду, но божолейцы пили ее с наслаждением. На берегу пруда была сложена высокая скирда из ветвей, сплошь усеянных плодами, напоминавшими желуди. Тут же находились два врытых в землю чана, заполненных зловонным пивом, а также примитивный перегонный аппарат.

Божолейцам не терпелось проверить, не осталось ли какое-нибудь содержимое в емкости под змеёвиком, но Морватц поспешно преградил им путь и наорал на них – солдаты неохотно повернули назад.

Глистра достал небольшую пиалу из тюка на спине зипангота и протянул ее Морватцу: «Пусть каждый солдат выпьет по чарке».

Раздался хор одобрительных восклицаний; повернувшись к Пьянцу, Глистра заметил: «Если бы мы могли поить их грогом каждый вечер, нам не пришлось бы их сторожить».

Пьянца покачал головой: «Совсем как дети. Никакого эмоционального самоконтроля. Надеюсь, они не станут буйствовать».

«Мы тоже могли бы напиться в стельку, но *нам* расслабляться нельзя. Пьянца, вы с Фэйном несите первую вахту. Через четыре часа Бишоп, Кетч и я вас заменим. Не спускайте глаз с зипанготов, везущих корзины с дробиками». Глистра направился к Элтону, чтобы сменить повязку у него на шее, но Нэнси его опередила.

Божолейцы, затянувшие какую-то солдатскую песню, развели костер, навалив на него кучу ветвей из скирды, и расселись вокруг, вдыхая ароматный дым. Пьянца тревожно обернулся к Глистре: «Они устали, а теперь еще и под мухой. Как бы чего не вышло».

Глистра также наблюдал за происходящим с возрастающим беспокойством. Божолейцы толкались плечами и громко кричали, стараясь проникнуть в самые густые клубы дыма – те, кому это удавалось, стояли и глубоко дышали, их лица расплылись в идиотских блаженных ухмылках. Когда их вытесняли с занятого места, они тут же раздражались гневными возгласами, грязно ругались и снова протискивались, упорно расталкивая товарищей плечами и локтями, туда, где дым был плотнее.

«Надо полагать, это наркотик, – сказал Глистра. – Своего рода марихуана Большой Планеты». Он сделал шаг в направлении костра: «Морватц!»

Глаза командира божолейцев покраснели и помутнели – он сам уже порядком надыхался дымом и отозвался очень неохотно. «Накорми своих людей и уложи их спать! Довольно воскурений фимиама!» – приказал Глистра.

Морватц неразборчиво выразил согласие, повернулся к солдатам и, после многочисленных угроз и ругани, сумел восстановить порядок на бивуаке. Приготовили большой котел пшеничной каши, приправленной горстями вяленого мяса и сушеных грибов.

Глистра присел на корточки рядом с Морватцем – тот ел чуть поодаль от своего отряда. «Что они жгли?» – Глистра указал на догорающие на костре ветки.

«Зигаг – сильнодействующее зелье, редкое и дорогое». Морватц надул щеки: «Как правило, только бестолочь плебейского происхождения вдыхает дым зигага – вульгарная привычка, вызывающая безмозглое оцепенение...»

«Как его обычно употребляют?»

Дыхание командира возмущенно участилось: «Я его обычно вообще не употребляю. Зигаг вызывает истощение жизненных сил. Его курят и пьют в виде настойки; некоторые закладывают в нос мазь, насыщенную зигагом. Но любителям таких удовольствий приходится дорого за них платить... Смотри-ка! Твой спутник тоже балуется наркотиками?»

Стив Бишоп принимал ежедневную порцию витаминов.

Глистра усмехнулся: «Это своего рода лекарства. Бишоп считает, что они сохраняют ему здоровье. Хотя, если бы кто-нибудь скормил ему таблетки из мела, он, наверное, не заметил бы никакой разницы».

Морватц удивился: «Еще один странный и бесполезный земной обычай».

Глистра вернулся к своим спутникам. Нэнси накормила Элтона, после чего присела в стороне, между выючными животными, стараясь не попадаться на глаза.

Около костра внезапно началась хрипкая перепалка. Солдат потихоньку подбросил в огонь охапку веток зигага, и Морватц делал ему выговор. Глядя на командира покрасневшими глазами и едва удерживаясь на ногах, солдат отзывался невнятными ругательствами.

«Дисциплина, дисциплина! – Глистра вздохнул и поднялся на ноги. – Ничего не поделаешь, придется показать пример».

Морватц выхватывал дымящиеся ветки из костра; солдат подобрался к командиру сзади и пнул его. Морватц упал лицом в пылающие угли.

Роджер Фэйн подбежал, чтобы вытащить вопящего командира из пламени; три солдата вскочили ему на спину и сбросили на землю. Пьянца прицелился из лучемета, но не стрелял, опасаясь попасть в Фэйна. Божолейцы бросились к нему со всех сторон. Пьянца три раза нажал на курок – почерневшие, сморщенные тела трех солдат упали ничком – но другие уже навалились на него.

Все пространство вокруг костра вдруг наполнилось дико вопящими людьми с выпученными глазами, жаждущими крови. Один набросился на Кетча – Кетч упал. Глистра пристрелил солдата из лучемета – и тут же почувствовал, как сильные руки схватили его сзади и заставили упасть.

Через несколько минут обезоруженные земляне сидели с руками, связанными за спиной.

Рядом лежал и гортанно стонал обожженный Морватц. Пнувший его раньше солдат решительно обнажил шпагу и проткнул командира. Повернувшись к пленникам, он приподнял кончиком шпаги подбородок Глистры: «Тебя я убивать не стану. Мы отведем вас обратно в Гросгарт, нас щедро наградят, мы станем знатными офицерами! Пусть Чарли Лисиддер расправится с вами, как хочет...»

«Цыгане! – сдавленно произнес Глистра. – Они всех нас перебьют!»

«Еще чего! Грязные скоты! – демонстрируя пьяную удаль, солдат со свистом рассек воздух шпагой. – Пусть только покажутся, мы их изрубим в лапшу!» Солдат издал продолжительный торжествующий рев – наркотик вызывал у него ощущение всемогущества и безнаказанности. Бросившись к скирде, он бросил в огонь еще охапку веток. Из костра повалил дым – божолейцы судорожно, с клокотанием в легких, вдыхали его как можно глубже.

Глистра пытался ослабить путы, но его кисти связали так туго, что в ладонях и пальцах прекратилось кровообращение. Вытягивая шею, он смотрел по сторонам: где пряталась Нэнси?

Издали, откуда-то из степи, донесся звук, заставивший к себе прислушаться – монотонный минорный напев из четырех нот, повторяемый хором мужских голосов и прерываемый время от времени басистым мычанием горна.

Направление ветра изменилось. Дым тлеющих веток зигага, минуя полностью одуревших солдат, теперь стелился в сторону связанных землян. Они изворачивались и корчились, но не вдыхать этот дым было невозможно: едкий и сладковатый, он настойчиво проникал через ноздри.

Первым ощущением было удвоение, утроение жизненных сил и невероятное обострение зрения, слуха, осязания и обоняния – все существующее представлялось в мельчайших деталях и в то же время складывалось в величественную, всеобъемлющую картину. Каждый древесный лист становился неповторимой индивидуальностью, пульсирующей единственными в своем роде опытом и содержанием. В уме порхали стайки мимолетных приятных воспоминаний. В то же время какая-то другая часть мозга кипела яростной активностью: любым проблемам находилось простое решение, любые затруднения – такие, например, как невозможность освободить руки или перспектива погибнуть в казематах Чарли Лисиддера – казались мелочами, не заслуживающими внимания. А поодаль все громче повторялся пеан кочевников. Глистра слышал его; не может быть, чтобы божолейцы оглохли и не подозревали об опасности...

Громкое пение раздавалось уже где-то рядом. Солдаты наконец обратили на него внимание. Спотыкаясь, они начали отходить от костра – в черных шляпах набекрень, с выпученными, налитыми кровью глазами на опухших лицах, с разинутыми, ловящими воздух ртами.

Предводитель бунтарей поднял лицо к небу и завопил, как воющий волк.

Его звериный клич понравился божолейцам. Все они тоже задрали головы и отозвались дикими воплями. Смеясь и плача, они набрали дротиков и побежали из роши навстречу цыганской орде.

Предводитель отдал приказ; не останавливаясь, на бегу, солдаты сформировали нечто вроде неровного строя и устремились в темноту.

В роще стало тихо. Опираясь на колени, Глистра с трудом поднялся на ноги и стал оглядываться по сторонам, пытаясь найти что-нибудь острое, позволявшее разрезать путы. Пьянца глухо позвал его: «Постой-ка, я развяжу тебе руки». Он тоже встал на колени и поднялся на ноги. Приблизившись спиной к связанным рукам Глистры, он попробовал ослабить узел, но раздраженно пробормотал: «Пальцы онемели... Руки почти не двигаются...»

Божолейцы углубились куда-то в темнеющую степь; монотонное пение цыган прервалось, только горны продолжали издавать мычащие возгласы. Глистра не мог что-либо отчетливо разглядеть, но ему казалось, что он видит падающие фигуры божолейцев, пустившихся в безрассудную атаку.

Там, в сумерках, битва была проиграна.

VIII

Глистра пытался развязать узлы, стягивавшие кисти Пьянцы, но безуспешно. Пальцы его, надувшиеся, как сардельки, ничего не чувствовали. На него внезапно нахлынула волна слабости, прохладной обморочной пустоты в голове – последствия наркотического опьянения.

Крышка большого пузатого сосуда под цыганским перегонным аппаратом задрожала и приоткрылась – выглянуло побелевшее лицо с широко открытыми глазами. Из емкости вылезла насквозь промокшая девушка – с нее ручьями струился самогон.

«Нэнси! Сюда, скорее!»

Девушка непонимающе, как оглушенная, посмотрела на Глистру, сделала пару неуверенных шагов, задержалась, стала вглядываться в темноту – туда, где все еще продолжалась бойня, откуда доносилось визгливое, торжествующее улюлюканье пьяных божолейцев.

«Нэнси! – снова закричал Глистра. – Разрежь эти веревки – пока нам всем не перерезали глотки!»

Девушка взглянула на него со странным, задумчивым выражением.

Пульсирующий низкий рев цыганских горнов приближался, наполняя воздух дрожанием, как колокольный перезвон. Время от времени слышались отзвуки глухих ударов и последние, короткие вопли пронзенных божолейцев. И весь этот шум перекрикивал властный голос – голос атмана Плетки.

«Нэнси! – взмолился Глистра. – Иди сюда, развяжи нас! Цыгане будут здесь с минуты на минуту!»

Девушка бросилась к нему, выхватила нож из-за пояса и принялась остервенело рубить веревки, стягивавшие руки землян. Глистра и его спутники стояли, растирая кисти, разминая пальцы, гримасничая от боли, вызванной восстановлением кровообращения, пытались собраться с мыслями в дурмане, навеянном зигагом.

Глистра пробормотал: «По меньшей мере нам больше не придется сторожить солдат».

«Сегодня у цыган будет праздник», – отозвался Бишоп. Из всех людей, оставшихся в роще, только Стив Бишоп казался энергичным и бдительным. Судя по всему, ему одному удалось сохранить ясность сознания и мышечный тонус, утерянные другими под влиянием зигага. Глистра не мог не заметить, что Бишоп буквально подпрыгивал на каждом шагу, полный переливающей через край энергией. Сам Глистра чувствовал себя мешком, набитым мокрыми тряпками.

Нагнувшись с кряхтением, как дряхлый старик, Мосс Кетч подобрал с земли блестящий предмет: «Чей-то лучемер...»

Глистра поискал вокруг и вскоре обнаружил свое оружие – кто-то из солдат с презрением отбросил в сторону непривычный металлический «самострел». «Надышавшись зигага, они полностью одурели, ни о чем не заботились», – подумал Глистра. Ветерок донес до него струйку дыма – и новый спазм наслаждения попытался овладеть мозгом. «Вот это да!» – Глистра подивился быстрой реакции мощного наркотика.

Тем временем Стив Бишоп бросился животом на мшистую подстилку и стал энергично отжиматься. Заметив недоуменные взгляды спутников, он с ухмылкой вскочил на ноги: «Я просто прекрасно себя чувствую – этот дымок пошел мне на пользу».

В степи все затихло. В бледно-черном небе уже мерцали звезды.

Снова – громко, где-то рядом – зазвучал минорный боевой хор политборов. Что-то просвистело над головой и с громким шуршанием погрузилось в древесную листву.

«Ложись! Лучники... – прошипел Глистра. – Держитесь дальше от костра».

Пеан становился все громче – раздражающе подвывающий напев из четырех нот, из меняющихся, но ничего не значащих слогов.

Перебивая хор, гремел голос атмана: «Выходите, незнакомцы, незванные гости, не прячьтесь... Я – атман Плетка, атман-раболов! Вы устали от жизни, ваши мысли безутешны. Выходите, я запрягу вас в фургоны, вы будете жевать траву, и никакие мысли вас больше не потревожат. Выходите к атману!»

Силуэт атмана вырос на прогалине, за ним виднелась стайка зипанготов. Глистра прицелился из лучемета, но никак не мог заставить себя выстрелить – его сдерживало какое-то странное сожаление, словно он замахнулся топором на тысячелетнее дерево. Глистра прокричал: «Оставь нас в покое, атман! Так будет лучше для всех!»

«Ба! – гулко отозвался атман тоном безмерного презрения. – Ты не смеешь даже ползти ко мне на коленях! Теперь я сам приду к тебе – забудь электрические трюки, склонись перед неизбежностью!»

Глистра заметил, словно со стороны, что его рука, державшая лучемет, начала безвольно опускаться. Моргнув несколько раз, он справился с магнетизмом и нажал курок. Поток лиловых искр пронесся по воздуху к атману – и погрузился ему в грудь, поглощенный, бесполезный. «Он заземлен!» – в панике подумал Глистра.

Фигура атмана возвышалась в послесвечении разряда – героическая, казавшаяся гигантской в линзе воображения... Бишоп выбежал вперед, вплотную к приземистому кочевнику. Тот взревел звонким басом, как бешеный бык. Фигура атмана согнулась пополам; Бишоп присел еще ниже и резко выпрямился. Совершив величественное сальто-мортале спиной вперед, атман с глухим стуком шлепнулся ничком. Бишоп деловито присел на него, что-то проделал руками и встал. Глистра подошел ближе, еще не совсем понимая, что произошло: «Как это у тебя получилось?»

«Я выучил несколько приемов дзюдо, – скромно признался Бишоп. – Возникает впечатление, что этот субъект принуждал противников к подчинению главным образом голосом, гипнотическим внушением. Достаточно было легкого удара в уязвимую точку – и вот он валяется, как дохлая рыба».

«Не подозревал, что ты – мастер дзюдо».

«Никакой я не мастер... Несколько лет тому назад прочел руководство – и тут внезапно вспомнил его, все до последнего слова... Смотри-ка, сколько зипанготов!»

«Это твари политборов, убитых божолейцами. Теперь они – наши».

«А где остальные цыгане?»

Глистра прислушался. Из степи не доносилось ни звука.

«Сбежали. Растворились в ночи».

Они привели зипанготов под уздцы на прогалину роши. «Пора убираться отсюда», – тяжело дыша, сказал Глистра.

Фэйн удивленно уставился на него: «Уже?»

«Сию минуту! – отрезал Глистра. – Мне это нравится не больше, чем тебе, но...» Он указал на оседланных животных: «По меньшей мере мы сможем ехать верхом».

Весь день – с раннего утра почти до вечера – земляне покачивались в седлах, сторбившись, в полуобморочном от усталости состоянии. Зипанготы брели равномерной, но тряской, не располагавшей ко сну походкой. Вечером небо стало постепенно тускнеть.

Они развели костер в лощине, сварили в котелке пшеничную кашу, съели ее, договорились о двухчасовой смене вахт и устроились на ночлег.

Проснувшись на следующее утро, Глистра сразу заметил Бишоп, совершавшего бодрые пробежки вверх и вниз по склону лощины. Глистра протер глаза, зевнул, заставил себя подняться на ноги. Чувствуя себя избитым и слегка отравленным, он раздраженно окликнул Бишоп: «Никогда не видел, чтобы ты занимался зарядкой на рассвете!»

Продолговатое некрасивое лицо Бишоп порозовело: «Я сам ничего не понимаю. Просто я прекрасно себя чувствую. Никогда в жизни не чувствовал себя лучше. Надо полагать, помогают витамины».

«Они раньше тебе не помогли – пока ты не надышался зигага. А потом ты стал бегать и прыгать, как на пружинках, и расправился с атманом быстрее, чем с плюшевым медведем».

«Ты думаешь, наркотик оказал необратимое действие?»

Глистра погладил подбородок: «Если это так, ничего плохого я в этом не вижу – но почему у всех остальных зигаг вызвал тяжкое похмелье? Все мы ели одно и то же, пили одно и то же... хотя...» Задумчиво взглянув на Бишоп, Глистра прибавил: «Насколько я помню, ты горстями лопал витамины – как раз перед тем, как дым понесло в нашу сторону».

«Верно. Так оно и было. Может быть, в этом есть какая-то закономерность... Любопытно...»

«Если мне еще когда-нибудь попадется под руку зигаг, – пробормотал Глистра, – я это проверю на практике».

Прошли четыре дня непрерывного равномерного движения верхом по степи, с рассвета до заката. Они не замечали никаких человеческих существ – пока не повстречались, вечером четвертого дня, с парой девушек-цыганок. Подружкам было лет шестнадцать или семнадцать, они пасли небольшое стадо медлительных жвачных животных, покрытых клочковатой желтоватой шерстью, напоминавшей овечью – здесь их называли «печави». Вся одежда девушек состояла из потрепанных серых рубах до колен и портянок на ногах.

Заметив караван, девушки сразу бросили стадо и подбежали поближе. Первая радостно закричала: «Вы – чужеземные раболовы? Возьмите нас в рабство!»

«К сожалению, это невозможно, – сухо ответил Глистра. – Мы просто путешественники. Кроме того, ваши соплеменники – раболовы. Зачем обращаться к чужеземцам? И почему вам так не терпится стать рабынями?»

Девушки хихикнули, поглядывая на Глистру так, словно он позволил себе неприлично глупое замечание: «Рабов часто кормят, они едят из мисок. Когда идет дождь, рабам позволяют сидеть под навесом. Своих людей цыгане не покупают и не продают, а нам приходится работать больше, чем рабам».

Глистра нерешительно почесал в затылке. «Если я займусь исправлением несправедливостей в каждом встречном племени, мы никогда не доберемся до Анклава», – подумал он и оглянулся, чтобы проверить реакцию спутников.

Элтон встретился с ним глазами. «Мне пригодилась бы проворная служанка», – как бы невзначай обронил он и спросил у ближайшей из девушек: «Как тебя зовут?»

«Я – Мотта. А это Вэйли».

«Есть еще желающие?» – огорченно спросил Глистра.

Пьянца покачал головой. Роджер Фэйн крикнул и отвернулся.

Стив Бишоп неуверенно сказал: «Я возьму вторую».

Еще три дня они ехали по степи, и каждый день ничем не отличался от прежнего. На четвертый день ландшафт изменился. Здесь жесткая трава росла выше, как земная толокнянка – через нее стало труднее пробиваться. Время от времени попадались красочные кусты полтора-два метра высотой, с радужными листьями, расцветкой напоминавшие павлиньи перья. Впереди показалась узкая черная полоса – девушки-цыганки сообщили, что это берег реки Ауст.

Часа через четыре после полудня караван приблизился к Эдельвайсу – окруженному частоколом форту с трехэтажными блокгаузами по углам.

«Иногда южные джигиты совершают набеги на кудесников, – пояснила Мотта. – Их не пускают на Барахолку, потому что вид голых колен сводит их с ума и они начинают убивать всех подряд. Но джигиты обожают серую порошковую соль, которую привозят вверх по реке

из Гаммерей – у кудесников ее большой запас. Поэтому Эдельвайс обнесли такой высокой оградой».

Вечернее солнце ярко и рельефно освещало весь поселок, издали казавшийся в прозрачном воздухе игрушкой – миниатюрной моделью, раскрашенной темно-коричневыми и светло-коричневыми тонами, с черными пятнышками окон и светло-зелеными и черными крышами. В центре городка торчал высокий шест с куполообразным навершием, похожий на корабельную мачту с «вороньим гнездом».

Мотта поведала о назначении мачты: «К верхушке привязан трос канатной дороги к Болотному острову. Кроме того, кудесники все время наблюдают за небом, до самого горизонта – они читают знамения в облаках, их мудрецы видят будущее».

«Они видят будущее в облаках?»

«Говорят, что так. Но откуда нам знать? Женщинам цыгане ничего важного не рассказывают».

Отряд медленно приближался к реке и, когда заходящее солнце уже светило всадникам в спину, они остановили зипанготов на краю обрыва, глядя на простирившийся в невероятную даль Ауст. Река струилась с дальнего севера, постепенно появляясь из непроглядной дымки расстояния, и тянулась так же далеко на юг, но при этом слегка изгибалась на запад. Искристая рябь перемигивалась на темноватой речной глади, время от времени возбуждавшейся мощным плавником какого-то чудища, плававшего под самой поверхностью. Низкий и плоский противоположный берег, в трех-четыре километра, был покрыт густым лесом голых стволов семидесятиметровой высоты. Середину реки пересекал клином длинный остров, полностью скрытый под покровом перистой листвы.

«Смотрите!» – хрипло воскликнул Фэйн. В предупреждении не было необходимости: все и так уже смотрели в ту же сторону, как замороженные. Из-за острова выплывал черный монстр. У него было округлое лоснящееся тело; в голове, напоминавшей лягушачью, зияла глубоким разрезом громадная пасть. Пока они наблюдали, голова эта рванулась вперед, схватила и разжевала что-то в воде, после чего лениво опустилась вровень с поверхностью реки. Тварь развернулась по кругу и через некоторое время скрылась за островным мысом.

Затаивший дыхание Фэйн наконец выдохнул: «Вот так так! Не хотел бы я оказаться по соседству с этой чертовщиной!»

Пьянца тревожно разглядывал речную гладь: «Хотел бы я знать, как кто-нибудь осмелится переплыть...»

Элтон указал вверх: «Здесь пользуются канатной дорогой».

От верхушки мачты в центре городка к одному из стволов, выстроившихся толпой на другом берегу, тянулся тонкий серовато-белый трос. Там, где трос провисал посередине, от реки его отделяли всего лишь какие-нибудь пятнадцать метров.

Глистра с отвращением хрюкнул: «Эдельвайс контролирует переправу... Ничего не поделаешь, придется с ними договариваться».

«Почему бы еще кудесники были так богаты?» – отозвалась риторическим вопросом Мотта.

Фэйн пробормотал: «Надо полагать, с нас сдерут три шкуры...»

Клод Глистра пригладил жесткие черные волосы: «Так или иначе, нужно как-нибудь переправиться. Выбора нет».

Они направились к городку по краю высокого крутого берега.

Над землянами высились стены Эдельвайса – частокол из окоренных бревен полуметрового диаметра, вбитых в землю наподобие свай, перевязанных грубым волокном и очевидно скрепленных вплотную шпонками с внутренней стороны. Дерево выглядело ноздреватым и трухлявым. Глистра подумал, что упорный и решительный неприятель мог бы без труда прорубить топорами проход в этой ограде.

Путники остановились у ворот, открывавшихся в тыльной стене квадратного алькова, дополнительно укрепленного несколькими рядами бревен. Ворота были открыты – но короткий проход, обнесенный частоколом с обеих сторон, заканчивался у другой бревенчатой стены.

«Странно! – заметил Глистра. – Никакой стражи, никаких привратников... По сути дела, здесь никого нет».

«Они боятся», – отозвалась Вэйли. Девушка повысила голос: «Эй, кудесники! Вылезайте, проведите нас к канатной дороге!»

Ответа не последовало, но где-то за бревнами слышался тревожный шорох.

«Выходите! – закричала Мотта. – А то мы спалим вашу ограду!»

«Боже ты мой!» – проворчал Пьянца. Лицо Бишопа скорчилось, как от боли.

Вэйли решила перещеголять подружку: «Выходите и поздоровайтесь как следует – или мы всех вас изрубим на кусочки!»

Стив Бишоп зажал ей рот ладонью: «Ты спятила?»

Мотта завопила: «Перебьем всех кудесников и устроим оползень, чтобы ваши дома обрушились в реку!»

В проходе мелькнула тень. Навстречу новоприбывшим вышли три старца, дряхлые и лысые. Их костлявые босые ноги покрывала сетчатая вязь синих вен, наготу прикрывали только ветхие набедренные повязки.

«Кто вы? – дрожащим голосом спросил первый старец. – Идите своей дорогой, не беспокойте нас. Здесь нечего взять, у нас ничего нет».

«Нам нужно перебраться на другой берег, – ответил Глистра. – Пустите нас к канатной дороге, и мы больше не будем вас беспокоить».

Старцы принялись обсуждать ситуацию свистящим шепотом – они явно страдали одышкой – с подозрением поглядывая на Глистру. Наконец один сказал: «Сезон кончился, вы опоздали. Вам придется ждать».

«Ждать? – с возмущением переспросил Глистра. – Здесь, за воротами?»

«Мы мирный народ, кудесники и торговцы. А вы пришли из диких степей, чтобы нас ограбить – это уж как пить дать!»

«Восемь человек? Чепуха! Мы хотим переправиться через реку».

«Невозможно», – упорствовал дрожащим голосом старик.

«Почему?»

«Это запрещено», – старец отступил на пару шагов. Наружные ворота захлопнулись.

Глистра раздраженно жевал губу: «Какого дьявола...»

Эйза Элтон указал на угловую башню: «У них там гелиограф. Он сигнализировал в западном направлении. Не иначе как они получили указания из Божоле».

Глистра застонал: «В таком случае тем более нужно спешить с переправой. Здесь мы в западне».

Фэйн подошел к береговому обрыву, заглянул вниз: «Никаких лодок не видно».

«И никакого материала для изготовления плота я тут не вижу», – заметил Пьянца.

«Плот нам все равно не поможет, – возразил Фэйн. – У нас нет ни парусов, ни весел».

Глистра смотрел вверх, на городскую стену. Элтон усмехнулся: «Ты думаешь о том же, что и я?»

«Думаю, что часть этого частокола – например та, что тянется параллельно реке – послужит прекрасным плотом».

«Но как мы переплывем реку? – не понимал Фэйн. – Там нештучное течение, нас может отнести к самому Марванскому заливу».

«Разгадка у тебя перед глазами, – Глистра сделал петлю из вьючной веревки. – Я залезу на стену, прикрывайте меня снизу».

Закинув петлю на верхний конец бревна, он поднялся по веревке, осторожно заглянул за верхний край частокола, вскочил на него и обернулся: «Здесь никого нет – какая-то крыша. Пусть поднимется кто-нибудь еще – Элтон?»

Элтон присоединился к Глистре. За частоколом не было ни души – их обступили стены с окнами, наглухо закрытыми ставнями.

IX

За спиной послышалось напряженное дыхание, заскрипела веревка – на верхний край частокола взобрался Мосс Кетч. «Хотел посмотреть, как все это выглядит, – объяснил он, обозревая городские крыши. – Мрачновато тут у них. И грязновато».

«Обрати внимание на стену, – посоветовал Глистра. – Сверху бревна перевязаны веревками, а посередине скреплены шпонками. Если мы перережем веревки и разъединим шпонки здесь, здесь и здесь, – он указал на вертикальную щель, через которую проглядывали поперечные клинья, – и если мы встанем с обеих сторон и хорошенько надавим, думаю, этот отрезок стены обрушится прямо в реку».

«А как насчет здешних морских змей или как их там... гриамоботов?» – поинтересовался Кетч.

«Мы не знаем, сколько их там. Придется рискнуть».

«Они могут подплыть под плот и перевернуть его».

Глистра кивнул: «Есть такая вероятность. Ты предпочитаешь остаться здесь?»

«Нет».

Элтон расправил длинные руки: «Тогда за дело!»

Глистра взглянул на небо: «Еще примерно час до захода солнца. Если повезет, успеем переправиться. Кетч, спустись и отведи всех, в том числе зипанготов, на песчаную косу под обрывом. Естественно, держитесь в стороне, когда начнут падать бревна. Как только частокол сползет в реку, прихватите его веревками, пока он не уплыл вниз по течению».

Кетч скрылся за краем ограды и соскользнул по веревке на землю.

Клод Глистра снова повернулся к части бревенчатой стены, параллельной обрыву: «Нужно с этим покончить прежде, чем они догадаются о наших намерениях». Он прошелся по краю частокола и заглянул вниз. Метрах в семи под стеной начинался почти отвесный береговой обрыв; до песчаной косы было еще метров пятнадцать: «Стене здесь практически не за что зацепиться. Она сползет под собственным весом».

«Участка длиной в пятьдесят шагов должно хватить, – сказал Элтон. – Дерево легкое, пористое».

«Вопрос не в том, сколько нам нужно, а в том, сколько мы успеем отделить. Не думаю, что кудесники будут зевать, когда заметят, чем мы занимаемся».

На песчаной полоске, отделявшей обрыв от реки, уже появились Кетч, Пьянца, Бишоп, Фэйн и три девушки, ведущие вереницу зипанготов.

Глистра кивнул Элтону, вынул нож и рассек волоконную веревку, стягивавшую верхние концы бревен частокола. Из городка внезапно раздались яростные вопли. Словно из-под земли в переулке появились четыре старухи, кричавшие и призывно жестикулировавшие. Вскоре к старухам присоединились несколько кудесников – поджарые белокожие мужчины с обнаженными плечами, помазанными зеленой краской.

Грубая обвязка бревен распалась. «Давай!» – Глистра подал знак Элтону. Прицелившись он нажал курок лучемета три раза подряд. Планки в вертикальной щели исчезли – остались только три обугленные дыры. Взявшись за концы крайних бревен, Элтон и Глистра надавили на них, выталкивая наружу. Участок стены затрещал, слегка накренился – но не двигался дальше.

«Ниже! – отдуваясь, крикнул Глистра. – Еще обвязка, посередине!» Пригнувшись, он вглядывался в полумрак между крышей и частоколом: «Придется стрелять наугад... Жги веревку со своей стороны, я – с этой!»

Два бледно-лиловых луча энергии с гудением опустились вдоль щелей – там, где бревна уже начали расходиться. Язык пламени взметнулся вдоль одного из трухлявых бревен, но тут же погас, оставив дымящийся обугленный след.

Бревна подались наружу, затрещали. «Давай! – снова выдохнул Глистра. – Скоро они тут соберут целую армию... Не свались вместе с оградой!»

Участок стены дрогнул, величественно откинулся над обрывом и обвалился, приземлившись верхним краем вниз на песчаной косе; в таком положении он задержался на пару секунд, после чего наклонился и шлепнулся в реку, поднимая фонтаны брызг.

Глистра успел заметить Кетча, подбежавшего к ближней стороне плота, чтобы накинуть на бревно веревочную петлю, но тут же повернулся лицом к приближавшейся по крыше группе худощавых мужчин-кудесников. Те яростно выкрикивали угрозы, но, подобно нервничающим кулачным бойцам, пританцовывали и отскакивали назад, встречаясь глазами с Глистрой.

Женщины визжали, выли, причитали и орали, но мужчины все еще не решались ринуться в нападение. Глистра бросил взгляд вниз, на реку. Участок стены – теперь уже плот – плавал у берега, натянув веревку, крепко привязанную Кетчем. Фэйн и Пьянца стояли на песке и смотрели вверх. Глистра закричал им: «Заведите зипанготов на плот, свяжите их посередине!»

Бишоп что-то прокричал в ответ, но Глистра не расслышал его и обернулся. Кудесники крадучись подбирались все ближе. «Назад! Все назад! – приказал Глистра. – Или я отожду вам ноги!»

Его никто не слушался. Оскалив длинные зубы, кудесники осторожно подкрадывались – шаг за шагом. Будто подчиняясь молчаливому сигналу, все они одновременно выхватили спрятанные за спинами метровые пики с наконечниками из черных роговых шипов.

«Нескольких придется убить, – процедил сквозь зубы Глистра, – если они не испугаются...» Направив дуло лучемета на край крыши, он прострелил в нем дымящуюся дыру в двух шагах от ближайшего кудесника.

Тот даже не отвел широко открытые глаза, устремленные на Глистру.

«Истерическое бешенство, – проворчал Глистра. – Увы, что мне остается?» Нажав курок, он провел лучом над крышей. Обожженные худощавые тела падали на зеленую черепицу; иные успели броситься к приставным лестницам, но свалились с крыши на мостовую, пересеченные в воздухе лучом – почерневшие, как фантастические смоляные чучелки в горящих обрывах набедренных повязок.

Глистра подошел к краю частокола и прокричал вниз: «Приготовьтесь привязать веревку к тросу!»

Эйза Элтон разглядывал мачту терминала канатной дороги: «Лучше обрушить всю эту штуковину, вместе с шестом, верхней площадкой и прочей оснасткой. Иначе разорванный трос пролетит мимо так быстро, что внизу и глазом моргнуть не успеют. Смотри – три оттяжки закреплены на самом верху, а другие три привязаны к скобам посередине шеста. Достаточно разрезать три верхние оттяжки, и верхняя половина мачты аккуратно отломится».

Прищурившись – уже наступали сумерки – Глистра изучил показания индикатора на аккумуляторе: «Нужно экономить энергию. Мой лучемет скоро разрядится». Прицелившись, он провел лучом энергии по верхним оттяжкам мачты.

Три серых кабеля со звоном порвались и поползли, извиваясь змеями по крышам Эдельвайса. Мачта разломилась посередине, как морковка – пролетев в воздухе, ее верхняя половина упала на крышу почти под ногами Элтона и Глистры. Крики, раздававшиеся по всему городу, внезапно смолкли.

Элтон прокричал вниз, стоявшим на берегу: «Не зевайте! Падает трос!»

Натянутый кабель протащил обломок мачты по крыше и дальше – за край обрыва.

«Держите трос! – кричал Глистра. – Привяжите его к плоту!» Он начал спускаться по веревке с частокола; обняв крайнее бревно, оставшееся с его стороны пролома, Элтон

соскользнул вниз вслед за ним. Пробежав по краю обрыва, они нашли место, где можно было кое-как спуститься на песок у реки.

«Скорее! – кричал Пьянца. – Швартов не выдержит, вот-вот порвется!»

Элтон и Глистра зашли в реку по пояс и взобрались на трухлявые бревна: «Поехали!»

Плот отплыл от берега. Береговой обрыв казался огромным черным мазком на фоне закатного зарева; над обрывом остался осиротевший, беззащитный городок Эдельвайс. «Жаль, что так получилось!» – пробормотал Глистра.

Плот несло вниз по течению, но он был привязан к противоположному берегу разорванным тросом канатной дороги.

«А! – вздохнул Фэйн, с облегчением опуская объемистый зад на бревна. – Мир и тишина! Наконец! Чудесно!»

«Подожди радоваться, – заметил Кетч. – Мы еще не на том берегу. Ты забыл про гриамоботов?»

Фэйн тут же вскочил на ноги: «Забыл! Боже мой! Где они? Одно за другим, одно за другим...»

«Смотрите! – тихо сказал Бишоп. Слово синхронизированные компоненты одного механизма, все головы повернулись туда, куда он показывал. Все глаза сосредоточились на объекте, понемногу приближавшемся к краю плота – плоском и блестящем, кожистом и мускулистом. Неизвестный объект задрожал, продвинулся к крайнему бревну и стал рывками забираться на него, изгибаясь подобно гусенице и обнажив при этом небольшое, округлое в сечении тело. Еще один судорожный рывок...»

Пьянца рассмеялся. Бишоп подошел к речной твари: «Я думал, что это конец щупальца».

«Это кровососущая рыба или гигантская пиявка».

«Какая мерзость!» – Бишоп пинком сбросил пиявку в воду.

Плот неожиданно вздрогнул, качнулся, повернулся – вокруг расходились волны.

«Под нами что-то большое», – прошептал Глистра.

Мотта и Вэйли начали скулить.

«Тихо!» – оборвал их Глистра. Цыганки зажали рты руками. Движение прекратилось, вода успокоилась.

Бишоп прикоснулся к руке Глистры: «Взгляни на обрыв под Эдельвайсом».

Там, уже в темноте, загорелся факел. Через некоторое время он погас, потом загорелся снова, опять погас – факел мигал снова и снова, через неравные промежутки времени.

«Код! Они с кем-то общаются. Скорее всего, с жителями Болотного острова. Надеюсь, никто не обрубит трос с другой стороны».

«Фэйн мог бы доплыть до берега и передать сообщение», – предложил Элтон. Фэйн возмущенно фыркнул – Элтон усмехнулся.

Из-за острова выплыл гриамобот – высоко подняв голову над водой, высматривая добычу. В темноте трудно было различить его очертания, но огромные фасетчатые глаза отличали свинцовым блеском. Вокруг гигантского тела чудовища, из утробы которого доносилось тихое рокочущее рычание, бурлили и пенились потоки черной воды.

Голова монстра покачивалась вперед и назад – внезапно она бросилась к плоту.

«Он нас увидел, – пробормотал Глистра, вынимая лучемет. – Может быть, я сумею его изувечить или напугать его. Но если эта тварь решительно намерена нами поужинать, лучемет не поможет – аккумулятор дышит на ладан».

«Отожги ему голову, – поежившись, сказал Эли Пьянца. – Тогда он не сможет нас найти».

Глистра кивнул. Фиолетовый луч прикоснулся к голове чудовища. Голова отскочила, как бумажный мешок, сорванный пинком. Но шея продолжала качаться – вперед и назад, вперед и назад; монстр не остановился и не изменил направление движения.

Глистра прицелился в туловище монстра и выстрелил. Раздался треск рвущейся ткани, в темном боку гриамобота образовалась дыра – в ней копошились какие-то белесые существа.

Глистра не верил своим глазам, но выстрелил снова – так, чтобы разряд угодил в туловище гриамобота примерно на уровне ватерлинии. Чудище закричало – смешанным хором человеческих голосов.

Поврежденный корпус плавающего «тройного коня» раскачивался из стороны в сторону – из прожженного отверстия наружу сыпались белесые фигуры.

«Ложись! – закричал Глистра. – Они бросают копья!»

Глухой удар! Рядом с ним, дрожа, в бревно воткнулась пика. Еще одна – и еще... последовал звук, не похожий на другие: резкий вздох и продолжительный хрип.

Глистра приподнялся: «Кетч!»

Мосс Кетч пытался нащупать слабеющими пальцами древко пики, пронзившей его грудь; он упал на колени, еще немного продвинулся вперед, опустив голову и обхватив пику ладонями – и в таком положении застыл.

«Нас берут на абордаж!» – заорал Фэйн.

«Разойдитесь!» – заорал в ответ Пьянца, отпихнув Фэйна в сторону плечом. Его лазерное ружье испускало щедрые потоки оранжевого пламени – вскидывая руки, белесые фигуры чернели и съеживались, с шипением падая в реку.

Постепенно наполняясь водой, осевший корпус гриамобота проплыл мимо плота вниз по течению и скрылся в ночи.

Клод Глистра осторожно опустил на бок тело Кетча, все еще сжимавшее древко пики.

Поднявшись на ноги, Глистра бросил взгляд в сторону уже едва различимого на фоне неба Эдельвайса. Помолчав несколько секунд, он снова нагнулся к телу Кетча: «Фэйн, пособи».

Он взялся обеими руками за уже холодеющие лодыжки Кетча. Фэйн тоже нагнулся, подхватил тело под мышки, но тут же отпустил: «Что ты хочешь сделать?»

«Выбросить его в реку. Мне очень жаль. Но мы не можем позволить себе сентиментальность».

Фэйн открыл рот, хотел что-то сказать, запнулся. Глистра ждал.

Наконец Фэйн подавленно произнес: «Разве ты не считаешь, что мы должны... ну, сам понимаешь... похоронить его по-человечески?»

«Где? В болоте?»

Фэйн снова нагнулся и помог Глистре поднять тело.

Выполнив мрачный долг, Глистра снова обернулся к городу кудесников: «Гриамобот оказался мистификацией, коммерческим трюком. С помощью этой разрисованной посуды кудесники отпугивали людей от реки, чтобы им платили за пользование канатной дорогой».

Тяжелая, влажная ночь опустилась на Большую Планету, берега Ауста исчезли во мраке. На плоту воцарилась тишина: только речная рябь потихоньку хлопала под трухлявыми бревнами. Оставшихся в живых землян и трех девушек несло вниз по течению, но в то же время плот, влекомый оборванным тросом канатной дороги, постепенно приближался к топкому берегу.

Над ними уже возвышались стволы голого леса Болотного острова. В воздухе жужжали и стрекотали бесчисленные мелкие насекомые. Нигде не было никаких огней.

Плот мягко приткнулся к едва выступающему из воды глинистому берегу и остановился. «Придется ждать рассвета, – сказал Глистра. – Попробуем немного выспаться».

Все они, однако, долго сидели на плоту, глядя в ночь невидящими глазами и ощущая потерю Кетча так, как пациент дантиста ощущает языком пустоту на месте вырванного зуба.

День начинался на реке почти незаметно – мягчайший, осторожнейший свет, словно пропущенный сквозь крылья ночной бабочки, сочился ниоткуда и отовсюду. Вскоре на восточном

небосклоне разгорелись оранжевые и желтые сполохи, исполосованные черными вертикалями болотных деревьев. Семидесятиметровые стволы толпились так плотно, что местами соприкасались.

Мотга оглушительно завизжала. Глистра испуганно обернулся к реке – у него замерло сердце, похолодела кровь. Речной простор загородила лениво вздымающаяся гигантская черная туша с посаженной на мощной шее цилиндрической головой, расщепленной почти пополам костистым беззубым зевом. Шея выгнулась дугой, голова опустилась – на какое-то мгновение взгляд маленьких глазок скользнул по группе собравшихся на плоту людей – но движение шеи продолжалось: голова погрузилась в воду и поднялась из воды с пастью, полной влажных, желтоватых, волокнистых водорослей. Чудовище судорожно проглотило водоросли, отрыгнуло и погрузилось в реку так же постепенно, как появилось.

Истерические женские вопли всех разбудили.

Глистра с облегчением вздохнул: «Очевидно, гриамоботы существуют».

«Неопрровержимый факт, засвидетельствованный моими собственными глазами!» – торжественно подтвердил Роджер Фэйн.

«Но гриамоботы питаются водорослями. Кудесники нарочно распускали лживые слухи об их плотоядности. И все это для того, чтобы наживаться на канатной речной переправе... Что ж, пора в дорогу».

Опустевший плот праздно покачивался на речной ряби. Навьюченные зипанготы стояли на губчатом прибрежном перегное, поочередно приподнимая и опуская каждую из шести ног, раскачивая над самой землей головами на длинных шеях – им явно не терпелось скорее уйти подальше от реки.

Глистра сходил на разведку в болото, проверяя надежность почвы. Тыквообразные основания стволов, пепельно-серые с зеленоватым отливом, не позволяли что-либо разглядеть дальше, чем примерно в сотне шагов, но – насколько мог судить Глистра – между стволами практически повсюду стелился черноватый плотный торф, местами поблескивавший лужами.

Когда он вернулся к реке, зипанготов уже выстроили вереницей – длинная зубастая морда каждого следующего животного болталась почти между задними ногами впереди стоящего. «Пошли!» – сказал Глистра.

Река осталась позади и скоро скрылась из виду. Караван извивался, как змея в высокой траве – то налево, то направо, обходя глубокие лужи.

Солнце уже поднималось к зениту, а зипанготы все брели по болотному лесу, расчерченному, как зебра, слепящими солнечными лучами и черными тенями высоких голых стволов.

Х

Примерно в полдень перед ними неожиданно возникло открытое пространство – озеро. У самых ног рябили и поблескивали мелкие волны, в зеркале глубоких синих вод плыли отражения облаков. Вдали по озеру неспешно перемещались несколько низкобортных лодок с мешковатыми оранжевыми треугольными парусами на поперечных ряях. А еще дальше, за озером, виднелся Болотный город. Город, напомнивший Глистре традиционную земную рыбацкую деревню, висел в дрожащем воздухе над лесом, как мираж.

Некоторое время все они молча стояли на берегу и смотрели на это невероятное скопление сооружений на сваях-стволах... Их испугало пронзительное кудахтанье: рядом взлетело, тяжело хлопая крыльями, большое синее существо с желтыми пятнами по бокам.

«На какое-то мгновение, – признался испуганный Фэйн, – мне показалось, что нас догнали кудесники».

Им пришлось снова зайти в лес, чтобы обойти озеро: опять караван плутал среди стволов, огибая заводы и слишком плотно заросшие участки, хотя иногда удавалось пройти двадцать-тридцать шагов, не меняя направление движения.

Солнце так же постепенно и неустанно продвигалось по небу; наконец, когда дело уже шло к вечеру, Глистра заметил висящие над головой сооружения города. Еще через пять минут караван оказался в тени почти сплошных перекрытий на голых стволах.

Рядом кто-то спокойно сказал: «Одну минуту!» Из-за стволов выступил вооруженный отряд коренастых людей в багрово-красных униформах.

Командир подошел к Глистре: «Будьте добры объяснить, по какому делу вы пришли».

«Мы – путешественники, больше никакого дела у нас нет».

«Путешественники? – офицер взглянул на зипанготов. – Откуда?»

«Из Джубилита, на северной окраине Божоле».

«Как вы переправили животных через реку? Вы не пользовались канатной дорогой – наш агент сообщил бы об этом».

«Мы переправили их на плоту. Прошлой ночью».

Командир покрутил ус кончиками пальцев: «Почему же гриамобот...»

Клод Глистра улыбнулся: «Кудесники вас обманывали. Гриамоботы – безобидные растительноядные гиганты. Единственная опасность на реке – плавучий макет чудища, изготовленный кудесниками и набитый их копейщиками».

Офицер тихо выругался: «Лорд Виттельхач будет приятно удивлен. Правила и пошлины кудесников его давно раздражают – тем более, что их трос протянули за его счет».

«Меня интересует материал, из которого изготовлен трос, – заметил Глистра. – Он металлический?»

«Конечно, нет! – офицер, молодой человек приятной наружности с выразительной физиономией и щегольскими усами соломенного оттенка, дружелюбно рассмеялся. – Пойдемте, я отведу вас туда, где ваш караван сможет расположиться на отдых, а по пути вы сами увидите, как устроена наша индустрия. Мы – лучшие в мире тросоплеты, таких вы больше нигде не найдете».

Глистра колебался: «Мы хотели бы как можно скорее покрыть как можно большее расстояние, пока еще не стемнело. Может быть, вы могли бы посоветовать...»

«Если у вас много металла и вы спешите, – отозвался командир, – вы можете сразу нанять гондолу канатной дороги. Но это обойдется дорого, очень дорого... Поговорите с Виттельхачем, так будет лучше всего».

«Очень хорошо!» – Глистра подал знак своему отряду. Путники последовали за офицером – и получили возможность полюбоваться картиной местной промышленности.

Квадратный участок со сторонами длиной не больше двухсот метров, почти полностью очищенный от леса – на нем оставались лишь несколько стволов, необходимых для поддержки сооружений сверху – занимали параллельные канатокрутильные ряды. Каждый ряд состоял из последовательности станин. В процессе формирования троса он пропускался через отверстие в очередной станине и сразу после этого – через отверстие в колесе, вращавшемся вокруг троса, как вокруг оси. На ободе колеса, через равные промежутки, были привязаны пять больших жирных личинок, выделявших бледные нити, спускавшиеся к тросу. По мере того, как трос перемещался через каждую станину ряда, каждое вращающееся колесо с пятью личинками наматывало на него пять новых нитей.

«Очень изобретательно! – похвалил Глистра. – Замечательный в своем роде процесс».

«Лучше наших тросов нет ни у кого! – офицер с гордостью покрутил ус. – Гибкие, крепкие, не боятся ни солнца, ни дождя. Мы поставляем тросы для канатных дорог Фелиссимы, Боговера и Тельмы, для Гросгартской линии дальнего следования в Божоле и для канатной дороги, доходящей до самого Миртопрестольного Родника».

«Гм... Хотел бы я знать, как устроена сама канатная дорога...»

Офицер рассмеялся: «Шутить изволите? Пойдемте, я проведу вас к Виттельхачу – не сомневаюсь, что он устроит в вашу честь вечерний пир горой. Насколько я знаю, у него уже коптится превосходный озерный угорь».

«Но как быть с нашими выюками, с багажом? И зипанготов мы еще не кормили – на болоте им негде было пастись!»

Офицер подал знак – подошли четверо его подчиненных: «Обслужите, вымойте и хорошенько накормите этих зипанготов, заклейте пластырем их болячки, стреножьте их и дайте каждому выпить по глотку димпеля». Повернувшись к Глистре, он сообщил: «С вашим багажом ничего не сделается – на Болотном острове не воруют. Мы торговцы и промышленники, а не грабители, у нас чужое имущество неприкосновенно».

Виттельхач оказался насмешливым и раздражительным толстяком с багровой круглой физиономией и хитрыми узкими глазами. Он носил свободную белую рубаху, расшитую узором из красных и желтых лягушек и опоясанную красным парчовым кушаком, синие штаны в обтяжку и черные сапоги. В мочке каждого уха Виттельхача висело массивное золотое кольцо, и на каждом его пальце тоже было несколько толстых металлических колец. Толстяк сидел в церемониальном кресле – по всей видимости, он только что в него опустился, так как все еще расправлял складки одежды.

Офицер любезно поклонился и широким жестом представил Глистру: «Странник из западных земель, мой лорд».

«С запада? – прищурившись, Виттельхач погладил одну из многочисленных складок под подбородком. – Насколько мне известно, трос над рекой оборвали. Придется снова запускать воздушного змея, чтобы доставить его обратно в Эдельвайс. Как вы переправились через Ауст?»

Глистра объяснил сущность мистификации, устроенной кудесниками. Виттельхач разгневался и раскричался: «Изворотливые черви-трупоеды! Подумать только, как они наживались все эти годы за мой счет! Нет уж, добропорядочным людям не подобает иметь дело с такими мошенниками!»

Глистра с трудом сдерживал нетерпение: «Мы хотели бы поскорее отправиться в путь. Командир вашей охраны предположил, что мы могли бы воспользоваться канатной дорогой».

К Виттельхачу немедленно вернулась хладнокровная расчетливость: «Сколько вас?»

«Восемь человек, с багажом».

Толстяк повернулся к офицеру: «Как по-твоему, Озрик? Пять пассажирских и одна грузовая?»

Озрик задумчиво прищурился: «У них много багажа. Лучше, пожалуй, две грузовых и две пассажирских. Кроме того, они не умеют обращаться с подвесным оборудованием, требуется проводник».

«Куда вы направляетесь?» – поинтересовался Виттельхач.

«Как можно дальше на восток».

«Значит, в Миртопрестол... Что ж, сами понимаете, мне не по душе отпускать гондолы так далеко – вам придется уплатить существенную сумму. Если вы просто купите гондолы – девяносто унций полновесного железа. Если вы желаете их арендовать – шестьдесят унций, плюс заработок проводника и разумная плата за возвращение гондол, то есть еще десять унций».

Глистра поторговался из вежливости, и ему удалось арендовать гондолы за пятьдесят унций железа, а в обмен на зипанготов Виттельхач согласился оплатить услуги проводника. «Озрик, может быть, ты не прочь прокатиться на восток?» – спросил толстяк у молодого офицера.

Озрик энергично дернул себя за ус: «С удовольствием!»

«Прекрасно! – заключил Глистра. – Отправимся без промедления».

Ветер надувал паруса, колеса гондол с шорохом катились по бледному тросу диаметром чуть больше сантиметра, изготовленному на Болотном острове. Трос, начинавшийся на куполе мачты в Болотном Городе, вел от одного высокого голого ствола к другому над пятью километрами болота к скалистой возвышенности. Гондолы пролетели всего лишь в полутора метрах над крошащимся базальтом, после чего канатная дорога широкой дугой повернула на юго-восток. Г-образные кронштейны, закрепленные на столбах, поддерживали трос примерно через каждые двадцать метров – когда колесо проезжало под кронштейном, слышался тихий глухой стук, и гондола слегка дрожала.

Озрик ехал в первой двухколесной гондоле, за ним – Глистра, после него – две трехколесные грузовые гондолы, нагруженные выюками с провизией, одеждой, металлом, составлявшим казну отряда, витаминами Бишопы, бивуачным оборудованием Фэйна и всякой всячиной, выбранной из поклажи божолейцев. В первой грузовой гондоле устроились Элтон, Мотта и Вэйли, во второй – Нэнси, Пьянца и Бишоп. Замыкал процессию Фэйн в одноместной пассажирской гондоле.

Рассматривая экипаж, в котором он ехал, Глистра вполне понимал нежелание Виттельхача расстаться с ним даже временно. Деревянные компоненты были тщательно обработаны и подогнаны один к другому, выполняя свои функции не хуже металлических механизмов, изготовленных на Земле.

Каждое большое колесо было склеено из десяти отдельных полос, после чего в его ободке была вырезана и отполирована глубокая канавка. Центральную ступицу поддерживали спицы из прочных прутьев, а подшипники ступицы были вырезаны из маслянистого твердого черного дерева. Опорой сиденья служила естественная древесная развилка, соединенная снизу с планчатый полем. Гондолу приводили в движение треугольные паруса, закрепленные по бокам на поперечной рее. Фалы, оттяжки и шкоты были привязаны к поперечной соединительной планке перед сиденьем. Рядом с сиденьем находился также двухкривошипный механизм с перпендикулярными ручками с обеих сторон, которые можно было крутить руками наподобие педалей велосипеда – повороты кривошипа подталкивали гондолу по слегка изогнутому вверх тросу в конце длинного пролета, если инерция движения и давление парусов были недостаточны для преодоления подъема.

К полудню характер местности изменился. Холмы становились крутыми, и время от времени приходилось перетаскивать гондолы и весь багаж волоком туда, где трос снова начинал спускаться.

С наступлением ночи они выпались в пустующей хижине на очередном крутом склоне, а наутро пустились в путь через горы – Озрик называл их Виксильской Цепью. Длинные пролеты канатной дороги провисали над долинами от одного хребта к другому, иногда на высоте больше шестисот метров над землей. Разгоняясь вниз над такой глубокой долиной, гондолы приближались к провисшей середине пролета в головокружительном состоянии почти свободного падения, после чего гондола поднималась по инерции к следующему хребту, замедляясь почти до полной остановки. Тогда приходилось поворачивать парус к ветру под самым выгодным углом и крутить приводной кривошип, постепенно подталкивая гондолу к кронштейну следующей опоры.

Вечером третьего дня Озрик сказал: «Завтра, примерно в это время, мы прибудем в Кирстендейл – и пусть вас не удивляет то, что вы там увидите».

Глистра пытался выудить дальнейшие сведения, но Озрик был расположен скорее шутить, нежели что-либо объяснять: «Нет-нет! Подождите, сами все узнаете! Может быть, вы даже забудете о своем несбыточном путешествии и поселитесь в Кирстендейле».

«Горожане дружелюбны?»

«В высшей степени!»

«А кто ими правит? Какое у них правительство?»

Озрик задумчиво поднял брови: «Странно, до сих пор я не задавал себе этот вопрос. Никогда не слышал ни о каком правителе Кирстендейла. В самом деле, у них установилось нечто вроде всеобщего самоуправления, если их образ жизни вообще можно назвать управляемым».

«Сколько дней пути от Кирстендейла до Миртопрестольного Родника?»

«Я еще не ездил так далеко. Говорят, за Кирстендейлом дорога становится опасной. Реб-биры нередко спускаются с Эйрийских гор и нападают на гондолы, хотя их родичи, донгманы из Миртопрестола, стараются предотвращать инциденты, мешающие сообщению с их городом».

«А дальше, за Миртопрестолом – какие земли?»

Озрик с отвращением махнул рукой: «Пустыня! Рассказывают, что там живут дервиши-пожиратели огня, падальщики, вампиры...»

«А еще дальше?»

«За пустыней начинаются горы Пало-Мало-Се. В тех горах – великое озеро Бларенгорран, из него на восток течет река Моншевиор. На реке можно купить лодку и проплыть вниз по течению на большое расстояние – как далеко, точно не знаю, потому что Моншевиор теряется в неизвестности».

Глистра невесело вздохнул. К тому времени, когда река Моншевиор унесет их за пределы стран, известных Озрику и его соплеменникам, до Земного Анклава останется путь длиной шестьдесят две с лишним тысячи километров!

Ночью начался ливень, негде было спрятаться от ревушего ветра. Путники вскарабкались по склону под выступ большого валуна и сидели там, сгорбившись и завернувшись в покрывала, пока ураган Большой Планеты гнал на север блещущие молниями тучи.

Промокшие и замерзшие, они встретили бледно-серый рассвет. На какое-то время дождь кончился, хотя косматые тучи все еще мчались над самой головой – казалось, на расстоянии протянутой руки. Забравшись в гондолы, они расправили маленькие паруса и поспешили вперед под журчащими по тросу колесами.

На протяжении двух часов канатная дорога вела вдоль хребта, и потоки воздуха, поднимавшиеся из долины, толкали гондолы сбоку подобно струям холодной воды. Внизу раскачивался и шумел под порывами ветра низкорослый кустарник с растрепанными сине-зелеными вымпелами листьев. Слева темнела глубокая долина, заполненная серым туманом. Справа

панорама почти непрерывно скрывалась за низкими облаками, но когда в них появлялись разрывы, можно было заметить приятный для глаз разнообразный ландшафт: холмы, леса, небольшие озера; несколько раз появлялись и пропадали, как призраки, громоздкие каменные замки на возвышенностях.

Озрик обернулся к Глистре и указал широким жестом направо: «Галатуданская долина, в ее низинах – Гибернийская топь. Страна герцогов, рыцарей и баронов – они только и делают, что грабят друг друга... Не советую бродить по их владениям».

Ветер становился все сильнее. Опасно накренившись, гондола скользила на юго-восток со скоростью, достигавшей ста километров в час – и могла бы мчаться еще быстрее, если бы Озрик не удерживал паруса в плоскости, параллельной ветру.

Примерно час они неслись, раскачиваясь и даже слегка подпрыгивая на тросе, после чего Озрик поднялся с сиденья и стал сворачивать паруса, приглашая других последовать его примеру.

Гондолы подъехали по инерции к площадке, от которой трос поворачивал под прямым углом и устремлялся вниз, в долину. Отсюда невозможно было заметить следующую опору – видно было только уменьшавшийся и пропадавший вдаль белесый трос.

Заглянув вниз, Нэнси задрожала и отшатнулась.

Озрик ухмыльнулся: «Ехать вниз легко! На обратном пути приходится тащить гондолы волоком вверх по склону».

«Мы полетим вниз – отсюда?» – испуганно спросила Нэнси.

Озрик кивнул.

«Мы разобьемся! Здесь слишком круто!»

«Гондолу тормозит встречный ветер. Ничего страшного! Следуйте за мной...»

Он повернул гондолу вниз по тросу, и уже через мгновение она превратилась в далекое уменьшающееся пятнышко, дрожащее на ветру.

Клод Глистра встрепнулся: «Надо полагать, теперь моя очередь...»

С таким же успехом можно было шагнуть в пустоту или нырнуть головой вперед с обрыва. Первые километра полтора казались просто безудержным падением. Гондолу мотало ветром, мимо проносились обрывки облаков, земля раскачивалась расплывчатым пятном далеко внизу.

Колесо над головой уже не жужжало, а визжало – несмотря на то, что оно не поддерживало почти никакого веса. Белесый трос тянулся впереди, слегка изгибаясь вверх, но скрываясь в необозримом пространстве.

Глистра заметил, что тон настойчивого пения колеса стал постепенно снижаться – трос выравнивался, поверхность земли поднималась навстречу.

Он катился по канатной дороге над зелеными и желтыми кронами леса – в какой-то момент внизу промелькнула опушка с бревенчатыми избами, дети в длинных белых рубахах задрали головы, глядя на гондолу... Но они тут же пропали позади, а впереди он увидел площадку, подвешенную на вершине громадного дерева, и там его ждал Озрик.

Глистра выбрался на площадку, с трудом передвигая затекшие ноги. Озрик наблюдал за ним с усмешкой: «Как вам понравился спуск?»

«Хотел бы я ехать с такой скоростью три недели! Мы уже приехали бы в Земной Анклав».

Трос задрожал и запел. Взглянув наверх, Глистра увидел грузовую гондолу, и в ней силуэты Эйзы Элтона, Мотты и Вэйли.

«Пора отчаливать, – сказал Озрик. – Иначе на площадке не хватит места».

Они продолжили путь почти навстречу ветру – кромки парусов непрерывно хлопали. Трос тянулся от вершины одного дерева до вершины другого; иногда днище гондолы шуршало по черновато-зеленой листве... Озрик быстро спустил парус и лихорадочно жестикулировал.

«Что случилось?»

Озрик приложил палец к губам и указал вперед. Глистра притормозил так, чтобы его гондола остановилась вплотную к гондоле проводника: «В чем дело?»

Озрик напряженно следил за чем-то на земле, через прореху между кронами деревьев: «Здесь опасный участок... Бродячие дезертиры, голодные лесные люди, разбойники... Иногда они ждут, пока гондола не окажется посреди высокого пролета, рубят трос и убивают пассажира...»

Глистра заметил между листьями какое-то движение чего-то белого и серого. Озрик выбрался из гондолы на развилку ветвей и осторожно спустился на развилку пониже. Глистра молча следил за ним. Трос задрожал – приближалась следующая гондола. Глистра предупреждающе поднял руку – гондола Элтона остановилась.

Озрик подзывал Глистру рукой. Глистра спустился из гондолы на ту развилку, где стоял Озрик. Отсюда через просвет в листве можно было видеть происходившее внизу. За низким темно-оранжевым кустом притаились три подростка с луками и стрелами наготове. Они наблюдали за тросом, как кошки за мышшиной норкой.

«Здесь они учатся разбойничать, – прошептал Озрик. – А когда подрастут, начнут грабить поселки Топи и всей Галатуданской долины. Проводник вставил короткую стрелу в ложе арбалета.

«Что вы делаете?»

«Прикончу того, что постарше... Это спасет жизнь многим ни в чем не повинным странникам».

Глистра резко подтолкнул его под предплечье – стрела расщепила ветку над головами начинающих бандитов. Глистра увидел, как побледнели их лица. Уже через секунду они исчезли в зарослях, прыгая, как зайцы, из стороны в сторону.

«Почему вы мне помешали? – возмутился офицер из Болотного Города. – Те же самые бездельники пристрелят меня на обратном пути!»

Сначала Глистра не мог найти слов, потом пробормотал: «Виноват... Скорее всего, вы правы. На Земле они учились бы в школе».

Трос канатной дороги вынырнул из леса, и гондолы полетели над узкой долиной шумливой быстрой реки – по словам Озрика, она называлась «Тельма». Им пришлось затаскивать гондолы по тридцатиметровому подъему на противоположный берег реки, после чего они снова помчались над страной мирных ферм и каменных домов, ничем особенным не примечательных – с тем исключением, что на коньке крыши каждого дома красовалось сложное сплетение ежевичных прутьев и шиповатых листьев.

Глистра позвал Озрика: «Зачем у них на крышах узлы из колючек?»

«Надолбы для призраков, – не задумываясь, ответил проводник. – В этих краях их полным-полно. В каждом доме свой призрак, а иногда и несколько. Призраки любят вскакивать на крышу и бегать по ней туда-сюда, но колючки им не по душе...»

Глистра подумал, что, какой бы обычной и знакомой ни казалась населенная местность на Большой Планете, здесь не следовало спешить с выводами.

Теперь канатная дорога тянулась параллельно ухабистой грунтовой дороге, и три раза караван гондол, резво катившихся по тросу, покачиваясь под порывами поперечного ветерка, обгонял шестиколесные фермерские телеги, пронзительно визжавшие и стонавшие на ходу, как хор ошпаренных свиней. Телеги были нагружены красными грушевидными дынями, связками оранжевой лозы, корзинами с зеленой окрой. Парни, шагавшие босиком рядом с телегами и погонявшие длинношеих зипанготов, носили высокие остроконечные шапки с белыми вуалями, закрывавшими лица.

«Прячутся от призраков?» – спросил проводника Глистра.

«Конечно, а как еще?» – ухмыльнулся Озрик.

Начинало вечереть; пейзаж становился все зеленее – повсюду цвела и плодоносила приятная для глаз растительность. Наконец возделанные земли остались позади; вокруг простирался пейзаж, напоминавший огромный парк.

Озрик протянул руку вперед: «Видите вдали белый акведук? Там начинается Кирстендейл, лучший из городов Галатуданской долины...»

XI

Еще несколько минут Кирстендейл трудно было разглядеть: между деревьями мелькали беленые стены, пару раз показались каменные мостовые. Гондолы проехали под парусами над пастбищем, заросшим зеленой травой с красноватым отливом; деревья наконец разошлись, и перед глазами открылся город, полого поднимавшийся по травянистой равнине на фоне туманных голубых гор.

Это было крупнейшее и самое цивилизованное поселение из всех, какие земляне видели до сих пор на Большой Планете – но на Земле такой город просто не мог бы существовать. Он напомнил Глистре воздушные замки на сказочных иллюстрациях.

Канатная дорога неожиданно повернула, и гондолы оказались в средоточии бурной жизнедеятельности, многоцветного карнавала.

Разыгрывалось некое представление или состязание. На обширном поле выстроились полсотни мужчин и женщин в элегантных костюмах и платьях удивительно сложного покроя – шелковых, атласных, бархатных, сетчатых с кисточками, расклешенных и расфуфыренных плиссировками, жабо и оборками, разукрашенных кружевами, подвесками и лентами, сверкавшими блестками и мишурной бахромой. Поле было подразделено на квадраты, четко очерченные линиями аккуратно подстриженной цветной травы, причем каждый участник игры занимал один из квадратов. Со всех сторон висели шелковые полотнища, поддерживаемые рядами привязанных воздушных шаров. Каждое блестящее полотнище, колеблющееся на ветру, переливалось тем или иным оттенком – рыжеватым персиковым, коричневато-апельсиновым, синим, аквамариновым. Над полем летали с места на место, надолго задерживаясь в воздухе, бесчисленные цветные маленькие мячи, почти невесомые.

Игроки ловили мячи, по-видимому выбирая их в зависимости от цвета мяча, от расцветки ленты, повязанной вокруг головы игрока, а также от того, в каком квадрате находился игрок. Мячи заполняли воздух, как маленькие подсвеченные солнцем драгоценные камни; время от времени тот или иной игрок умудрялся поймать сразу три мяча и разбрасывал их в разные стороны с удивительным проворством. Когда мяч попадал в одно из шелковых полотнищ, игроку начислялось очко – к великой радости некоторых других игроков и зрителей, разражавшихся выкриками «О-э! О-э! О-э!»

За игрой наблюдали стоявшие на широких ступенях по периметру несколько сот мужчин и женщин, нарядившихся таким же чрезвычайно экстравагантным образом; кроме того, на них были фантастически изощренные головные уборы – исключительно изобретательные сооружения из множества специально изготовленных и терпеливо соединенных элементов. На голове одного молодого человека была раковина, напоминавшая перевернутую лодку и блестящая ярко-зелеными и пунцовыми полосами. Молодая женщина – очень привлекательная, по мнению Глистры, игривая и гибкая, как котенок, с гладкими золотистыми волосами и миндалевидными золотистыми глазами – надела на голову колоколообразный шлем из мягкой кожи, из которого торчала высокая антенна с радиальными спицами на вершине, испускавшими яркие искры наподобие бенгальских огней: киноварные, празднично-зеленые и оттенка расплавленного золота... Еще одна – и еще один – и еще: вычурные, неповторимые, невероятные!

Гондолы канатной дороги объезжали поле по кругу. Игроки и зрители время от времени поглядывали наверх, но их внимание тут же отвлекалось игрой.

Глистра заметил официанта, толкавшего перед собой тележку с пирожными и печеньями: «Пьянца! Полюбуйся на его костюм...»

Эли Пьянца хрюкнул и засмеялся от неожиданности: «Смокинг! Жилетка! Черный галстук! Брюки с лампасами! Лакированные туфли! Чудеса, да и только!»

Мяч, запущенный игроком, попал в волнующееся коричневатое-золотое полотнище и тихо опустился на землю, что вызвало у зрителей взрыв восторженных аплодисментов.

Фэйн прокричал из последней гондолы: «Интересно, как им понравится футбол?»

Гондола Глистры неспешно скользила по тросу. Его уже практически догнали следующие грузовые гондолы; в третьей стояли Пьянца и Бишоп. Глистра обернулся и спросил: «Стив, что говорится в „Альманахе“ о Кирстендейле?»

Бишоп подошел к переднему краю грузовой гондолы, под первое из двух колес: «Кажется, здесь скрывается какая-то тайна – насколько я помню, ее называют „парадоксом Кирстендейла“. Начинаю припоминать. Кирстендейл основал синдикат миллионеров, не желавших платить ойкуменические налоги. Все колонисты, двадцать или тридцать семей, прибыли со своими слугами. Надо полагать, перед нами результат».

Канатная дорога снова повернула, ветер подул с кормы. Паруса распустились, как крылья бабочек, вереница гондол нырнула в город под аркой и притормозила у платформы.

Навстречу вышли три молчаливых субъекта в темных ливреях. Не говоря ни слова, они разгрузили багаж с грузовых гондол и сложили все тюки и корзины в тележки на высоких колесах со спицами. Глистра начал было возражать, но, заметив предупреждающий взгляд Озрика, спросил у него: «Что происходит?»

«Они считают, что вы богаты», – ответил проводник.

«Хмф! И я должен наградить их чаевыми?» – проворчал Глистра.

«Чем?»

«Деньгами».

Озрик моргнул, все еще не понимая.

«Деньгами. Металлом».

«А, металлом! – Озрик покрутил кончик щегольского уса. – Это уж как пожелаете».

Приблизился начальник носильщиков: высокий человек с торжественной физиономией, тщательно бритыми щеками и длинными бакенбардами, переходившими в небольшие пушистые черные усы: личность, излучавшая непреклонное достоинство.

Глистра вручил ему три небольшие стальные шайбы: «Это для вас и для ваших подчиненных».

«Благодарю вас, сэр... И куда вы хотели бы отправить багаж?»

«Что вы можете предложить?»

«Как вам сказать... вы могли бы остановиться в „Гран-Савояре“, в „Метрополе“ или в „Ритц-Карлтоне“. Все три отеля превосходны – и одинаково дороги».

«Насколько дороги?»

«Пожалуй, любой из них обойдется в унцию за неделю... „Приют путешественника“ и „Фэйрмонт“ не дешевле, но там спокойнее».

«А приличная гостиница с более умеренными расценками в городе есть?»

«Могу порекомендовать „Охотничий клуб“. Будьте добры, сэр, пройдите сюда, к экипажу».

Он провел Глистру и его спутников к ландо, смонтированному на четырех эллиптических пружинах из многослойного золотистого дерева. В экипаж не запрягли зипанготов – по сути дела, возникало впечатление полного отсутствия какой-либо движущей силы.

Главный носильщик с элегантно поклоном распахнул дверцу. Фэйн, оказавшийся впереди всех, с сомнением задержался и обернулся к носильщику: «Это какая-то шутка? Мы залезем в ландо, а вы уйдете и оставите нас сидеть?»

«Ни в коем случае, сэр».

Фэйн осторожно поднялся по двум откидным ступенькам и опустился на мягкое сиденье. За ним последовали остальные.

Начальник носильщиков изящно и аккуратно закрыл дверцу, подал знак. К экипажу подошли четыре человека в строгих черных униформах. Каждый пристегнул ремень к переднему бамперу экипажа и перекинул ремень через плечо – карета покатила в центр города по гранитным плитам мостовой.

Кирстендейл выглядел чистым, как только что вышедший из печати журнал: повсюду блестели полированный камень и стекло, россыпи ярких цветов. Высились многочисленные башни – каждую окружала спиральная лестница, поднимавшаяся к луковичному куполу.

Ландо приближалось к гигантскому цилиндрическому зданию, торчавшему посреди города наподобие газгольдера. Пышный сине-зеленый плющ с воронкообразными каштановыми цветами, а также ряды больших окон придавали этому тяжеловесному сооружению своеобразные легкость и элегантность.

Экипаж проехал под шатровым навесом с крышей из цветного стекла, и проникающие через стекло лучи Федры окрасили плиты мостовой размытыми радужными пятнами. Вывеска под навесом гласила: «Отель Метрополь».

«Гм! – произнес Фэйн. – Выглядит неплохо. После... как бы это выразиться помягче... неудобств долгого пути я не отказался бы провести пару недель в роскоши».

Но карета продолжала перемещаться вокруг широкого здания и вскоре проехала под другим навесом, украшенным полотнищами глубокого темно-оранжевого атласа с оборками из темно-красных кисточек. На вывеске значилось: «Гран-Савояр».

После этого они проехали мимо почти классического портика с колоннами, ионическими капителями и антаблементом. На антаблементе была высечена надпись: «Ритц-Карлтон». И опять Фэйн с тоской посмотрел назад, когда ландо проехало мимо: «Нас, наверное, вывалят в канаву».

Мимо проплыл парадный вход, отделанный в обобщенно-восточном стиле: ворота из резного темного дерева с перекладиной из того же дерева, поддерживавшей высокую зеленую вазу. Золочеными буквами на перекладине было написано: «Приют путешественника».

Экипаж проехал еще шагов тридцать и остановился под навесом из полотнищ в зеленую, красную и белую полосу. На белой вывеске жирным черным шрифтом пояснялось, что они прибыли в «Охотничий клуб».

Навстречу новоприбывшим выступил швейцар; он помог им спуститься на мостовую по откидным ступенькам, после чего подбежал ко входной двери и услужливо открыл ее.

Путники прошли по короткому коридору со стенами, обитыми зеленым сукном и украшенными черно-белыми пейзажами, в большой центральный вестибюль.

Прямо напротив такой же короткий коридор вел наружу: через стеклянную дверь можно было заметить радужное сияние крыши из цветного стекла под солнечными лучами.

Клод Глистра огляделся по сторонам. Другие коридоры, разделенные одинаковыми промежутками подобно коротким спицам огромной ступицы, очевидно служили выходами наружу. Усмехнувшись, Глистра повернулся к Пьянцу: «Все они одинаковы – „Метрополь“, „Гран-Савояр“, „Ритц-Карлтон“, „Приют путешественника“ и „Охотничий клуб“!»

Озрик поднес палец к губам: «Тише! Для кирстеров разница существенна и очевидна. Замечания такого рода оскорбляют их до глубины души».

«Но...»

Озрик поспешно перебил: «Мне нужно было вас предупредить. Ваш социальный статус определяется тем, какой из входов вы выбрали. Номера, конечно, одинаковы, но человек, желающий выглядеть завсегдаем высшего света и знатоком мод, проходит в вестибюль под вывеской „Метрополя“».

Глистра кивнул: «Хорошо вас понимаю. Впредь буду осторожнее».

Швейцар провел их к центральному кольцевому прилавку вестибюля. По краю полированной деревянной поверхности прилавка были равномерно рассредоточены пять тонких

высоких стержней, обвитых разноцветными лентами и поддерживавших зонтичное навершие. Центральная опора возвышалась еще примерно на метр над этим зонтом и продолжалась трехметровой мачтой из пористого черного дерева. Вокруг мачты, появляясь из ее пор и возвращаясь в них, тысячи светлячков кружились пульсирующими пересекающимися потоками, кратковременно совершая виражи на расстоянии трех, пяти и даже пятнадцати метров от центра.

Швейцар пригласил их вежливым жестом пройти к сектору круглого прилавка, отмеченному цветами «Охотничьего клуба». Глистра обернулся и подсчитал спутников, как заботливый папаша стайки детей, причиняющей постоянное беспокойство. Фэйн, с побагровевшим от волнения лицом, о чем-то говорил с едва державшимся на ногах от усталости Пьянцей; Элтон и Бишоп стояли рядом с девушками-цыганками – Вэйли и Мотта крутили головами, явно впечатленные новизной и роскошью; Нэнси, побледневшая и скорее напряженная, нежели взволнованная, держалась ближе к Глистре, с правой стороны, а слева крутил ус проводник Озрик. Всего девять человек.

«Прошу прощения, сэр! – позвал его служащий за прилавком. – Вы – господин Клод Глистра, прибывший с Земли?»

Глистра с удивлением повернулся к прилавку: «Почему вы спрашиваете?»

«Сэр Уолден Марчион передает наилучшие пожелания и просит вас и ваших спутников оказать ему честь, поселившись в его вилле на все время вашего пребывания в городе. На тот случай, если вы не откажетесь от приглашения, он прислал за вами свой экипаж».

Глистра повернулся к Озрику и холодно поинтересовался: «Каким образом этот сэр Уолден Марчион узнал о нашем прибытии?»

Озрик ответил тоном человека, благородные намерения которого выше всяких подозрений: «Главный носильщик на платформе канатной дороги выразил любопытство по поводу вашего происхождения... Я не видел причин что-либо скрывать».

«Слухи распространяются в Кирстендейле с поразительной быстротой... А что вы сами думаете об этом приглашении?»

Озрик обратился к служащему за прилавком: «Известно ли вам, кто такой сэр Уолден Марчион?»

«Один из самых состоятельных и влиятельных людей в Кирстендейле. Выдающийся джентльмен во всех отношениях».

Озрик взглянул на Глистру с опасливым уважением, раньше не заявлявшим о себе столь очевидно: «Не вижу, почему бы вам следовало отказаться».

«Мы принимаем приглашение», – сообщил Глистра гостиничному служащему.

Регистратор кивнул: «Уверен, что вас ожидает приятный визит. Известно, что за столом сэра Уолдена нередко подают мясо... Экипаж вас ожидает. Э... Мэнвилл... если вас не затруднит...» Служащий подал знак коллеге из сектора отеля «Гран-Савояр». Тот, в свою очередь, кивнул молодому человеку в роскошной черной ливрее с желтыми декоративными обтачками швов – этот щелкнул каблуками, поклонился, вышел через портал отеля «Гран-Савояр» и вскоре появился в коридоре «Охотничьего клуба». Подойдя к Глистре, он снова щелкнул каблуками и поклонился: «Карета сэра Уолдена подана, сэр».

«Спасибо».

Стараясь не оплошать и не выйти, паче чаяния, через портал «Приюта путешественников», Глистра и его отряд вернулись наружу и забрались в низкий продолговатый экипаж с открытым верхом. Швейцар закрыл дверцу кареты, а молодой человек в ливрее пообещал: «Ваш багаж будет доставлен на виллу сэра Уолдена».

«Какая вежливость! – с сомнением пробормотал Пьянца. – Какой щепетильный этикет!»

Фэйн со вздохом откинулся на спинку обитого глубокими подушками сиденья: «Боюсь, что в данном случае я не прочь воспользоваться преимуществами феодализма».

«Не знаю, не знаю... – Глистра смотрел на проплывающие мимо здания. – Что именно имел в виду регистратор в отеле, когда сказал, что за столом у сэра Уолдена нередко подают мясо?»

Озрик надул щеки: «Это нетрудно объяснить. Такова особенность здешних условий – в Галатуданской долине практически нет никаких животных, кроме зипанготов, вонючую плоть которых никто не ест. Во всем виновато местное паразитическое насекомое, внедряющееся под кожу любого животного, покрытого шерстью, длинной или короткой, или даже чешуей. Зараженное паразитом животное быстро погибает. Зипанготов, с их задубевшей безволосой шкурой, эти насекомые не беспокоят. Поэтому кирстеры пробавляются главным образом растительной пищей – овощами, фруктами, дрожжевыми грибами – и вносят разнообразие в свою диету благодаря некоторым разновидностям съедобных насекомых, а также разводят кое-каких существ в прудах и озерах. Время от времени мясо импортируют из Целанвилли, но оно обходится очень дорого».

Карета, запряженная пятью бегунами в черных ливреях сэра Уолдена, громыкала по мостовой. Они проезжали мимо многочисленных лавок. В витринах одного из магазинов красовались изящные воздушные наряды из полупрозрачного газа и пуха пастельных тонов. В другой лавке торговали флягами и бутылками, вырезанными из зеленого роговика и крапчатого синего стеатита. В следующем заведении предлагали вязаные помпоны из зеленых и розовых атласных нитей; дальше, в витрине ювелира, поблескивали выложенные черным бархатом подносы с драгоценностями; еще дальше переливалась сверкающими вертикальными полосами хрустала и радужно-бриллиантовыми отсветами витрина, рекламировавшая восхитительно грациозные высокие бокалы с небольшими чашечками на длинных ножках.

«Признаться, меня озадачивает местная экономика, – заметил Фэйн. – Где-то производятся все эти товары. Где? Кем? Рабами? Для того, чтобы поставлять столько продукции, требуется нешуточный объем производства».

Клод Глистра почесал в затылке: «Не вижу, каким образом это делается. Не могут же они заказывать все это на Земле...»

«По-видимому, в этом и заключается их секрет, – вмешался Пьянца. – Пресловутый парадокс Кирстендейла».

«Как бы то ни было, – решительно заключил Фэйн, – существующая система очевидно всех устраивает. Горожане довольны жизнью».

Вэйли и Мотта возбужденно болтали, широко открыв глаза и глядя по сторонам. Глистра задержал на них взгляд, пытаясь представить себе, что происходило в головах степных цыганок... Девушки поправились, их щеки больше не казались впалыми, волосы блестели и были аккуратно причесаны – теперь их можно было назвать привлекательными. Элтон и Бишоп явно в какой-то степени гордились своими подопечными. Элтон погладил Мотту по голове: «Тебе здесь нравится?»

«О да! Самоцветы и металл, красивые ткани, ленты, блески, сандалии из тонких ремешков...»

Эйза Элтон подмигнул Бишопу: «Тряпки, тряпки, тряпки...»

«Le plus de la différence, le plus de la même chose»,¹ – отозвался Бишоп.

Карета повернула в район башен с изящными наружными лестницами, поднимавшимися по спирали к жилым куполам-луковицам.

Экипаж остановился у бледно-зеленого круглого основания, слуга распахнул дверцу: «Замок сэра Уолдена Марчиона...»

¹ Чем больше разница, тем больше сходство. (франц.)

XII

Прибывшие спустились на мостовую, и карета уехала.

«Прошу вас, следуйте за мной...»

Глистра и его спутники поднялись по спиральной лестнице к цитадели сэра Уолдена, формой напоминавшей гигантскую свеклу. Из центральной опоры наружу и вверх вырастали ребра-контрфорсы, обнимавшие нижнюю часть этого архитектурного корнеплода.

Элтон пощупал одно из выступающих ребер, толщиной сантиметров пять, оттенком напоминавшее начинающий желтеть пергамент: «Дерево... Похоже на то, что это обработанная ветвь, растущая прямо из ствола». Он поднял голову, глядя туда, где расширялось пологой чашей основание жилища: «Эти башни здесь выращивают! Это гигантские растения!»

Слуга обернулся, неодобрительно нахмутив черные брови: «Это замок сэра Уолдена, его усадьба...»

Элтон подмигнул Глистре: «Надо полагать, я ошибся, и этот „замок“ – не выдолбленный желудь-переросток».

«Разумеется, это не так!» – подчеркнуто отреагировал лакей.

Последний виток лестницы дерзко удалялся от центральной опоры – по-видимому, материал и конструкция были достаточно прочны для такого ухищрения – после чего гости оказались на широкой площадке, обвеваемой прохладным вечерним бризом Большой Планеты.

Слуга открыл перед ними дверь и отошел в сторону. Гости сэра Уолдена зашли в поднебесную цитадель.

Они оказались в большом светлом помещении, ненавязчиво, но искусно декорированном и наполненном свежим воздухом. Пол не был горизонтальным – он плавно расширялся подобно раструбу валторны. Впадину в центре заполнял бассейн подкрашенной ярко-синей воды. По поверхности бассейна сновали белые насекомые с сетчатыми полупрозрачными крыльями и пушистыми антеннами – за каждым расходилась клиновидная рябь, мерцавшая зелеными искрами.

«Будьте как дома, – произнес дворецкий. – Сэр Уолден скоро к вам присоединится. В вашем распоряжении освежающие ихоры трех марок: мэй-чи, гельминт и вербена. Мы будем рады, если вы сообразоволяете их попробовать».

Лакей поклонился и удалился – путешественники остались одни.

Прошло пять минут, прежде чем появился сэр Уолден – высокий человек с серьезным лицом, довольно приятной, хотя и мрачноватой наружности. Хозяин извинился за то, что не сумел приветствовать гостей сразу, сославшись на задержку, избежать которой не было никакой возможности.

Как только выдался случай, Глистра наклонился к Пьянцу и пробормотал: «Разве мы не встречались с ним раньше?»

Пьянца покачал головой: «Не припомню...»

В круглом зале появились два паренка четырнадцати и шестнадцати лет, в розовых костюмах с желтыми и зелеными вышивками, в странных сандалиях с загнутыми носками. Они поклонились: «К вашим услугам, гости с Древней Земли!»

«Мои сыновья, – пояснил сэр Уолден, – Тэйн и Халмон».

«Мы рады воспользоваться вашим гостеприимством, сэр Уолден, – сказал Глистра. – Откровенно говоря, однако... Позвольте спросить: почему вы проявляете такую щедрость в отношении незнакомцев с другой планеты, явившихся в Кирстендейл без приглашения?»

Сэр Уолден ответил уклончивым элегантною жестом: «Будьте добры, не спешите... В свое время мы все подробно обсудим, но теперь... Теперь вы устали от долгого и трудного пути. Вам следует освежиться». Хлопнув в ладони, хозяин позвал: «Прислуга!»

В зал поспешили зайти несколько мужчин и женщин, в общей сложности человек двенадцать. «Приготовьте ванны для гостей, ароматизированные...» – тут сэр Уолден погладил пальцами подбородок, словно для решения этого вопроса следовало тщательно взвесить множество сопутствующих факторов. Наконец он пришел к окончательному выводу: «Ароматизированные эссенцией „Нигали №29“, так будет лучше всего. И подберите им новую удобную одежду».

Фэйн вздохнул: «А, ванна! Горячая вода!»

«Благодарю вас», – чуть поклонился Глистра. Гостеприимство сэра Уолдена оставалось загадкой.

Его отвели в приятную комнату, откуда открывался панорамный вид на город сверху. Молодой человек в черной ливрее в обтяжку принял от Глистры потрепанную грязную одежду с ничего не выражающим лицом и, отступив на шаг, сделал приглашающий жест: «Эта дверь ведет в ванную, лорд Глистра».

Клод Глистра вступил в маленькое помещение со стенами, сплошь выложенными перламутром. Теплая вода поднялась до колен, до пояса, до груди. Из-под ступней взвивались струйки пузырящейся мыльной воды, щекотавшие тело; лопаясь на поверхности, пузырьки испускали приятный, чуть резковатый запах. Глистра вздохнул и расслабился: измождение проходило, уступая место мягкому ощущению легкой усталости.

Уровень воды быстро убывал – она исчезала в отверстиях пола; подул теплый ветер. Открыв плотно запертую дверь, Глистра вышел из ванной.

Служителя в черной униформе в комнате не было. Вместо него, улыбаясь, стояла девушка с полотенцем на вытянутых руках: «Я ваша горничная. Но, если вы предпочитаете, я могу уйти».

Глистра схватил полотенце и завернулся в него: «Принесите мне одежду».

Продолжая улыбаться, девушка вышла, тут же вернулась с костюмом, сшитым по местной моде, и помогла ему одеться, не запутываясь в бесчисленных складках, оборках и лентах.

Наконец горничная объявила, что Глистра выглядел достаточно прилично. На нем был наряд из синих и зеленых лоскутьев, казавшийся неудобным и смехотворным. Девушка настойчиво утверждала, что мужчина без головного украшения немедленно выставил бы себя на посмешище, в связи с чем ему пришлось подчиниться и натянуть на свои все еще короткие черные волосы свободный берет из черного бархата. Прежде, чем он успел возразить, горничная прицепила к берету подвеску из алых бусинок, качавшуюся над правым ухом.

Отступив на шаг, девушка восхищенно смерила его взглядом: «Отныне мой лорд выглядит, как подобает лорду среди лордов... Внушительно, презентабельно!»

«Я чувствую себя, как паяц среди паяцев», – пробормотал Глистра.

Он спустился в главный зал. Лучи заходящего солнца озаряли просторное помещение через сводчатые окна. Здесь уже успели установить круглый стол, покрытый тяжелой скатертью оттенка слоновой кости, и расставили стулья и столовые приборы для четырнадцати человек.

Мраморные тарелки, тонкие и хрупкие, очевидно высекали и обрабатывали вручную; ложки, вилки и ножи были вырезаны из твердого черного дерева.

Один за одним спускались спутники Глистры – мужчины в новых костюмах смущенно переглядывались, девушки сияли, красуясь в сверкающих платьях. Нэнси получила бледно-зеленое длинное платье с розовыми и белыми орнаментами. Как только она зашла, Глистра поспешил встретиться с ней глазами, но Нэнси отвернулась. Поджав губы, Глистра нахмурился и сосредоточился на синем бассейне в центре зала.

Прибыл сэр Уолден с двумя сыновьями, дочерью и высокой женщиной в развевающемся облаке лавандового шелка, каковую он представил как свою супругу.

Состоялся роскошный ужин; блюда подавали одно за другим – незнакомые, необычные, странного вкуса, но тщательно и артистически приготовленные. Еда была настолько разнообраз-

разна, что Глистра испытал нечто вроде шока, когда осознал: все, что подавали слуги, было целиком и полностью вегетарианского происхождения.

После ужина подали маслянисто-густые ликеры, хозяева и гости разговорились. Отдохнув и подкрепившись, Глистра ощущал непривычную беспечность. Собравшись с мыслями, однако, он склонился к сэру Уолдену и спросил: «Вы все еще не объяснили, почему случайные проезжие вызвали у вас такой интерес?»

Хозяин луковичной цитадели деликатно поморщился: «Вы же понимаете, что это не имеет особого значения. Мне нравится находиться в вашей компании, а вам в любом случае нужно было где-то остановиться и передохнуть. Здесь или в отеле – какая разница?»

«Тем не менее, этот вопрос продолжает меня занимать, – настаивал Глистра. – Любой человек руководствуется в своих действиях тем или иным побуждением, и характер побуждения, заставившего вас отправить посыльного в отель, остается для меня непонятным... Надеюсь, вы простите мне навязчивое любопытство...»

Сэр Уолден улыбнулся: «Здесь, в Кирстендейле, некоторые из нас придерживаются доктрины произвольного замещения логики, во многих отношениях противоречащей вашим представлениям о причинно-следственных связях. Кроме того, существует догматический принцип турбулентности времени – весьма любопытное мировоззрение, хотя я, например, не могу полностью согласиться со всеми следствиями этой теории. Возможно, ее основные постулаты еще неизвестны на Земле? Ее приверженцы утверждают, что река времени, протекая сквозь нас из прошлого в будущее, возбуждает мозг – или вызывает в нем побуждения, если хотите – едва заметными отклонениями и завихрениями энтропических потоков. Они считают, что, если бы мы могли контролировать турбулентность этой бесконечной реки, мы приобрели бы способность манипулировать творческими способностями человеческих умов. Что вы думаете по этому поводу?»

«Я все еще не понимаю, почему вы пригласили нас в гости».

Сэр Уолден рассмеялся и беспомощно развел руками: «Очень хорошо, попытаюсь объяснить вам непоследовательность жизни, которую мы ведем в Кирстендейле». Владелец цитадели склонился к собеседнику, словно в порыве откровенности: «Мы, кирстеры, обожаем новизну – все свежее, незнакомое, нарушающее однообразие бытия. Вы – земляне. Земляне не появлялись в Кирстендейле уже пятьдесят лет. Ваше присутствие в моем жилище не только доставляет мне удовольствие новизной, но и повышает мой престиж в городе... Вот видите, я откровенно определил свои побуждения, даже если это может нанести ущерб моей репутации».

«Понятно», – согласился Глистра. Разъяснение показалось ему вполне разумным.

«Я поспешил с приглашением, конечно. Не сомневаюсь, что вы получили бы дюжину подобных приглашений на протяжении часа. Но у меня есть полезные связи с начальником станции канатной дороги».

Глистра попытался вспомнить главного носильщика на платформе – именно он, судя по всему, сразу сообщил сэру Уолдену о прибытии земного отряда.

Так прошел вечер. От выпитого вина у Глистры уже начинала кружиться голова, когда его отвели в спальню.

Наутро Глистре, снова принявшему ванну, молча помог одеться худощавый молодой человек с продолговатым лицом.

Глистра поспешил в круглый зал – ему не терпелось встретиться с Нэнси, но та еще не появилась. За столом сидели только Пьянца и Элтон, поедавшие розовую дыню.

Пробормотав приветствие, Глистра уселся. Уже через несколько секунд в зал спустилась Нэнси – свежая, голубоглазая; Глистра никогда еще не видел ее такой красавицей. За завтраком он попытался выведать, о чем она думает. Девушка отвечала вежливо, но односложно, с отстраненной прохладцей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.